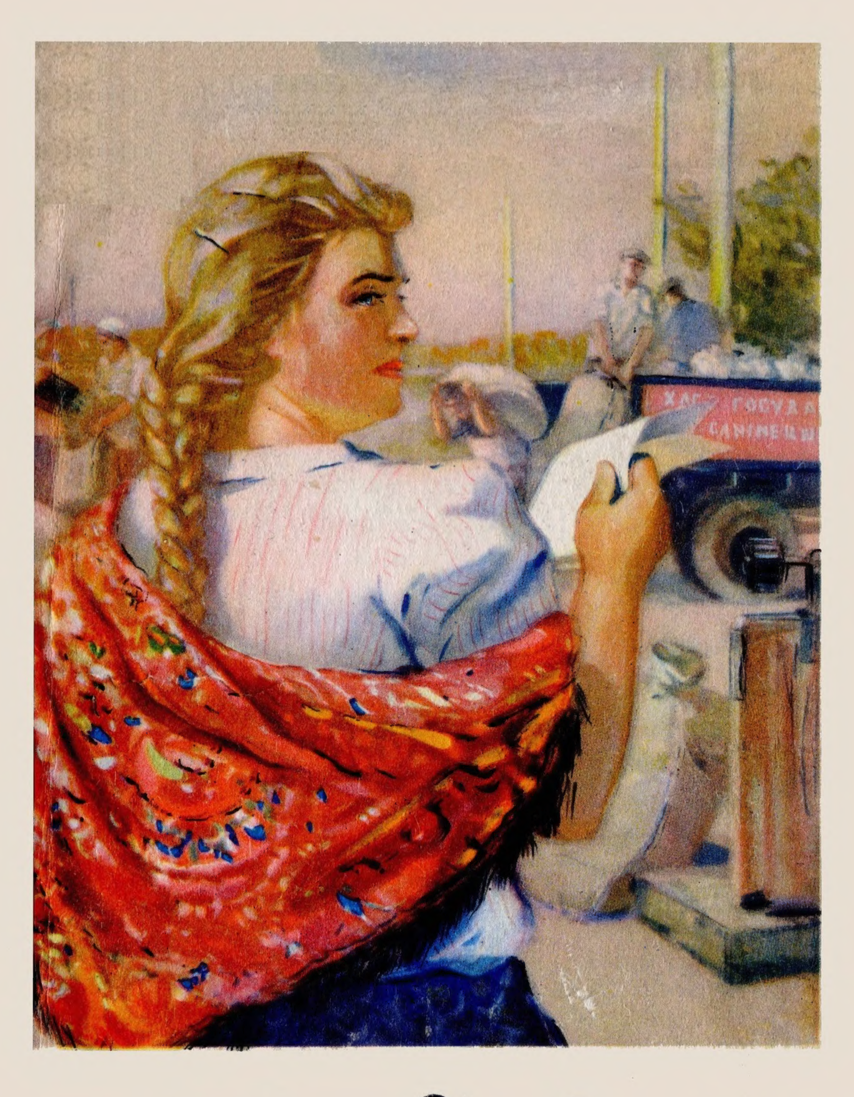

Александр Яшин

АЛЁНА ФОМИНА

АЛЕКСАНДР ЯШИН

АЛЕНА ФОМИНА

ПОВЕСТЬ В СТИХАХ

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1951

Постановлением
Совета Министров Союза ССР
от 8 марта 1950 года
ЯШИНУ (ПОПОВУ)
АЛЕКСАНДРУ ЯКОВЛЕВИЧУ
присуждена
СТАЛИНСКАЯ ПРЕМИЯ
второй степени
за поэму «Алена Фомина»

Александру Фадееву

1

Только солнце — из-за леса,
Только месяц — за леса,
Только птиц на всю окрестность
Зазвенели голоса,

Да остатки ночи — тени
Убрались в зеленый сад, —
И комбайнер за деревней
Запустил свой агрегат.

Был он в брюках не по росту,
В гимнастерке с плеч чужих.
Глянешь издали — подросток,
Подойдешь поближе — просто
Девочка,
А не мужик.

Маню Лыкову народ
«Кадрой собственной» зовет:
На колхозные доходы
Обучали целый год.

От души, со всем раденьем
Свой комбайн она вела,
Но и круга не прошла —
Подъезжает предправленья:
Как, мол, тут идут дела?

Словно вихрь перед грозою
Закружил по полосе, —
За Аленой Фоминою,
Замерев, следили все.

Осмотрев жнивье сурово,
Придралась к огрехам (власть!),
Над соломой, над половой
Постояла, наклонясь,
Под комбайн залезла,
Снова
За солому принялась.

Обнаружила зерно
В колоске,
Да не одно.

Перерыла всю мякину
И сказала:
— Исправляй!
Выпрягай свою машину,
Есть потери —
Дело знай!

Для комбайнера бесчестье
Нареканья принимать:
— У машины все на месте,
Все дает, что может дать.

Край у неба даже есть,
Зря шуметь не дело здесь,
Если техники не знаешь,
Не резон на стенку лезть!

Но хозяйка рассердилась:
— У меня один резон:
Не исправишь — сделай милость,
Уходи с уборки вон!

И не спорь! Чего стоишь?
Дорожи порой страдно́ю. . .
А известно, с Фоминою
Много не наговоришь.

Маня злилась и ворчала:
— Ладно, ладно. . . не учи! —
Но взяла свои ключи,
Проверять машину стала.

«Может, впрямь где гайки слабы...»
Только вслух одно твердит:
— Спасу людям нет, коль баба
В председателях стоит.

Час спустя она хвалилась,
Дескать, впрок пошел совет:
Ничего, что побранилась,
А с комбайном повозилась,
Стал ходить — отказу нет.

— То-то вот! — сказали ей, —
Никогда грубить не смей.
Молода, неугомонна,
В толк, как видно, не взяла,
Что тебя сама Алена
И на курсы-то свезла.

От комбайна Фомина
На участок со снопами
Перешла, где два звена
Убирали хлеб серпами.

— Как дела?
— На полный ход!
Жнем и вяжем без заминки,
Ничего, что по старинке,
Понимаем:
Хлеб не ждет!

На гумно прошла.
Снопы
На машинах подвозили,
Молотилку и цепы
Доотказа загрузили.
День рабочий начался...

С первых дней войны Алена
Вожаком —
Ни угомона
И ни сна,
В заботах вся.

Нехватало ни людей,
Ни машин, ни лошадей,
Нехватало сил,
А всё ж,
Что ни год — стеною рожь.

Что ни год — с полей колхоз
В город больше хлеба вез.

Но к концу идет война,
На Берлин ее дороги.
Со дня на день Фомина
Фронтовой ждала подмоги.

Трудно женщинам одним.
Вот работники подъедут —
И для каждой день победы
Будет первым выходным.

Весточки от муженька
Заждалась — уж не убит ли?..
Возвращаются пока
Лишь «по чистой» с поля битвы.

Яков Розанов пришел —
Не найдешь в труде прилежней,
Взялся с первых дней с душой,
Только нету силы прежней.

На реке теперь живет,
Всем помолом заправляет.
Он, конечно, помогает —
Вырос мельничный доход,
Но в селе раз в год бывает.

Жаль порой фронтовика
Ставить вместо старика,
А иначе не выходит:
Жуков на маслозаводе
На приемке молока, —
Он еще нетвердо ходит.

А Седых Никита — с тем
Только горе да заботы:

Пятый месяц без работы,
Лишь глаза мозолит всем.

Но сегодня еле свет
Из Совета позвонили,
Что известья поступили
О Козлове в сельсовет:
Со дня на день можно ждать.
Надо в срок коня подать.

В свой колхоз (к концу война!)
Председатель старый едет.
Может, чудится соседям,
Что Алена смущена?

Нет, она не смущена.
Просто рада Фомина:
Выдержала свой экзамен!
Только, может, сильно ранен?

И какой-то он теперь?
Раньше не был он ретивым,
Жил легко, неторопливо —
Ни находок, ни потерь.

Спросят:
— Как дела, сосед?
Отвечает:
— Помаленьку!
И дела ведет ровненько,
Исподволь, огрехов нет,

Без подъема (тихоход!),
Хоть и слыл из года в год
Председателем хорошим.
Но ведь жизнь идет вперед,
И денек с деньком не схожи.

Хорошо иметь разгон.
Брать любой подъем с разгона...

«Да, какой-то нынче он?» —
Беспокоится Алена.

2

По проводу прямому
Из собственного дома
Звонит колхозный председатель
Секретарю райкома.

Зовет к прямому проводу
По случаю, по поводу,
По хлебу и покосу,
По срочному вопросу,
По важному, текущему,
По делу по насущному.

— Привет, товарищ Михалев!
Как жив-здоров?
— Я жив, здоров.
А кто у телефона?
— Да Фомина Алена.

У нас, товарищ Михалев,
Опять простои тракторов.
Что в эмтеэсе деется,
На бога, что ль, надеются?
Напрасно люди маются,
И лошади измучены,
А слесаря слоняются,
Работать не научены.
Оставлены два трактора
На пахоте — обидно!
Работы агитатора
С людьми совсем не видно.
Уж вы нам помогли бы.
— Поможем.
— Вот спасибо.

Еще насущный разговор:
У нас опять с зерном затор.
Пятнадцать тонн на месте.
Что спят в автогужтресте?
Грязны дороги осенью,
Потом намерзнут глыбы.
Машину бы подбросили!
— Подбросят.
— Ну, спасибо!

Райком для предправления —
Во всех делах подмога.
В райком для населения —
Широкая дорога.
Он — свой,
В него идут, как в дом.
«А что в райкоме?»
«Как райком?»
Им жизнь на лад поставлена.
Совет,
Поддержка,
Правда в нем.
Идут колхозники в райком:
Он — рядом,
Он — от Сталина.

Поутру вновь Алена
Стоит у телефона.
День начинается звонком:
— Алё, райком!
— Алё, райком!..

— К нам, товарищ Михалев,
Возвращается Козлов —
Председатель довоенный.
Мне б теперь учиться:
Смену
Дождалась.
— А он каков?

— Как сказать?..
Он раньше был
Дельным...
Опытным считался,
Правда, жизнь не торопил,
Высоко летать не рвался.

Но теперь другие дни,
Всех нас время окрыляет...
Михалев не возражает:
— Что ж... вглядись, тогда звони.

Чтобы всех врагов сломить,
Жизнь нельзя не торопить.

Секретарь райкома сам
С год как с фронта воротился
И ко всем фронтовикам
Ныне, как к своим друзьям
Закадычным, относился:
Будто все — однополчане.
(Секретарь и сам был ранен.)

Коммунист иль нет — к нему
Шли по делу по любому,
Как солдаты к своему
Командиру боевому.

Никому отказа нет.
Чуть не так — и к Михалеву:
Он поддержит, даст совет,
Ободрит душевным словом.

Но и спуску не давал:
На примете всех держал,
Как на воинском учете.

— Ты проверь его в работе! —
О Козлове он сказал.

3

Ночью Алена с глазу на глаз
С письмами мужа осталась, читала.
Как их немного!
В который раз
Все пересматривала, разбирала.

Вот треугольничек.
Он невелик.
Послан с дороги. Давняя дата.
«Я еще, милая, не фронтовик,
Но уже в полной форме солдата.

Вот и солдаты мы!
Вышло и нам
Встать за отчизну свою с винтовкой.
Верно, вся жизнь наша к этим боям,
К этой войне была подготовкой.

Школа, потом комсомол... Скажи,
Разве мы знали недолю с тобою?
Лес, сенокосы да поле ржи...
Скоро увижу и поле боя.

Надолбы вкруг городов, деревень.
Камни, леса стоят в обороне.
Все мы из разных мест, а в вагоне
Стали родными в первый же день.

А до чего ж велика страна!
Едем и едем.
Когда-то будем?
Близко ль? Какая она — война?
Но уже сняты чехлы с орудий...»

Несколько писем пришло фронтовых
(Все они в стопке, в строгом порядке),
Больше душевной строгости в них:
«Первые залпы...
Первые схватки...

Танков атаки...
И все не так,
Как представлялось,
Ни с чем не схоже.
Пусть! Мы не дрогнем!
Заклятый враг
Все равно будет смят, уничтожен».

Ласково Петр называет жену.
Дальше — все сдержанно:
Он обстрелян!
Несколько слов всего — про войну,
Больше забот о делах артели.

«Выдержи, выдюжи, не сломись,
Но не щади своих сил в работе.
Мы только начали нашу жизнь,
С фронта вернемся — горы своротим».

Пишет: он понял в огне войны
(Впрок испытанья идут отчасти!),
Что, мол, не знали полной цены
Мы, молодые, нашему счастью.

«В нашем колхозе работа шла
Слишком спокойно,
Дерзали мало. . .»
«Это теперь и я поняла, —
Шепчет Алена, —
Умнее стала!»

Вот он узнал, что его жена
В партию следом за ним вступает,
Что председателем избрана.
Пишет:
«Горжусь тобою, родная!

Скоро начнем неприятеля гнать.
Русские мы — добудем победу.
Нам еще, милая, жить-поживать,
Время настанет — домой приеду

И поброжу еще в нашем лесу
С лайкой, с ружьем,
Подшибу косого,
В старый капкан изловлю лису,
Туес ершей принесу из ночного.

Будут и праздники в нашем дому,
Будут и встречи!
Ждем не дождемся.
Верю: с победой домой вернемся.
Верю: тебя и мать обниму.

Всех повидать,
Обо всем расспросить,
Полем пройти,
Новиною, лугом! . .
Не разучился ль траву косить?
Не разучился ль ходить за плугом?»

В связке письмо это в самом низу.
Да неужели ж последнее это?!
Сложены письма,
Закрыты конверты. . .
Нет, нипочем не сдержать слезу.

4

Изба пуста.
Переступив порог,
Солдат Козлов на лавку молча лег
(Он на попутной к дому подкатил.
Свою подводу ждать не стало сил)

И долго головы не поднимал,
Прислушивался к шорохам в подполье,
Все примечал
И все припоминал:
Сосновый стол как будто меньше стал...
В окне попрежнему леса и поле...

И кот на печке...
Только масть не та.
А кот на печке — значит, живы люди.
Деревня, как деревня, — простота,
Дом сторожить оставили кота!
Еще заметил холодец на блюде...

Медлительный, Козлов не по годам
Казался осторожным и суровым.
Отросшая в дорогах борода
И хвойные, взлохмаченные брови.

Широкоплечий,
Но плечо одно
Заметно от ранения запало,
С горбинкой нос,
Лицо обожжено,
И пальца на руке недоставало.

Лишь к вечеру жена пришла домой —
Она за жнейкою снопы вязала.
Как вскрикнула,
К груди его припала!
Ощупала всего:
«Родной! Живой!..»
И, причитая, громко зарыдала.

Жена из тех была, которым труд —
Как свет, как хлеб, как песня на народе;
Живут у моря —

С морем дружбу водят,
В лесах —
На зверя с топором идут;
Привычные ко всякой непогоде,
И жнут, и ткут, и кружева плетут.

— Ну, успокойся, не реви, жена!
А ты осунулась... —
Взглянул с тревогой. —
Как видно, жизнь в деревне голодна?
— Нет, жить не голодно.
Работы много!

— Сынок, сынок! Ужели это мой? —
И сгреб Васютку рослого за плечи. —
Ты где же пропадаешь? Скоро вечер.
Вот и вернулся батька твой домой.
Целуй, целуй, да по-мужски, покрепче.

Пушок не виден на губе мальца,
Но бровь-то, бровь!..
В отца пошел парнишка.
Еще не бровь, конечно, а бровишка,
Но ведь топорщится уже...
В отца!

Ну, Дунюшка, затваривай блины,
Да пива, водки!.. Доставай любое.
Селом отпразднуем конец войны.
— Ужель совсем конец?
— Для нас с тобою!
Хозяин возвратился как-никак,
И для семьи, и для села большак.

Так будет пиво?
— Пива наварю,
Но ведь страда, деньков погубим много,
У нас в колхозе с этим нынче строго.
Я с председательшей поговорю.

— А председатель кто?
— Все Фомина,
Алена Николаевна.
— Ужели?
И как?

— А что же, — говорит жена, —
Все женщины без вас понаторели.

И, торопясь, раздула в печке жар.
Дров принесла,
А чтоб помылся в бане,
Поставила ведерный самовар,
Белья на выбор принесла пять пар —
Давно лежало в коробе в чулане.

Покуда хлопотала,
Сын-пострел,
Чтоб легче бегать, на крыльце разулся
И полсела оповестить успел,
Что у него отец с войны вернулся.

5

— Ну, Васютка, как дела?
— Ничего, не худы.
— Удишь, нет?
— Пора прошла,
И нагрузка тяжела,
Нынче не до уды.

— Неужель чины даны?
Кем ты, между прочим?
— Ну какие там чины —
Так, чернорабочим.

Вот поставили селом
К деду Кире — малым [1],
Ремонтируем, куем,
Как и ты, бывало.

— Вот как!
Может, отдохнешь
Завтра встречи ради?
— Нет, теперь молотим рожь,
Много дел в бригаде.

— Угомону, значит, нет?
С детства непоседы...

---

[1] Малый — подручный.

У сынка один ответ:
— Это ж для победы!

Говорит, а сам глядит
На карман солдата:
Может быть, наган торчит?
Может быть, граната?

— Автомата не привез?
— Для чего бы это?
— Тут волков большой прирост,
Хоть беги со света.

Смотрит Вася на отца,
Задает вопросы —
Не узнаешь сорванца,
Говорит, как взрослый.

А уж как охота влезть
На колени снова
Да обнять, что мочи есть,
Тятеньку родного.

6

Весть о приезде разнеслась, и вмиг
Гостей набилось в избу доотказу.
Кузнец в шинели,
В ватнике старик...
Толпа девчат — всех не признаешь сразу.

Есть женщины в косынках кружевных,
Есть в гимнастерках;
У одной солдатки
Шаль из немецкой пестрой плащ-палатки:
Война коснулась и нарядов их.

Подростки раньше станут у стены
И слушают —
Теперь к столу садятся,
И тоже речь заводят о германцах,
О «душегубках», о конце войны,
О торжестве освобожденных наций.

А вот и председатель.
Дверь прикрыв,
К Козлову шла, как бы обнять хотела,
Но только руку сжала, оглядела,
Сияющая, радостная:
— Жив! —
И, поклонившись всем, на лавку села.

Такая ж все, как в девушках...
Стройна...
Коса густая с лентою зеленой...
Козлов сказал:
— Не старишься, Алена,
Начальница, а, верно, озорна
Попрежнему?
Ну, с фронтовым поклоном!

Меня пришлось, выходит, замещать?
Справляешься?
Ты, знаю, — боевая.
Иль трудно все ж?
— Да как тебе сказать?
Бывает всякое...
Война большая.

Работаем! — на том стоит весь свет.
Ты приглядись — одобришь или нет?
Вот отдохни — да...—
Но последних слов
Как будто бы не разобрал Козлов,
Хоть ждал нетерпеливо, сам хотел,
Чтоб разговор зашел о сдаче дел.

— Где муж твой нынче?
— Тоже на войне.
— А помнишь, к нам его перевозили?
Ведь не его — тебя на нем женили...
— Еще бы этого не помнить мне!
Ну, как воюем?
Вижу — наградили!

— А помнишь, как мы жили на гумне,
Как уходить с работы жалко было?
А ведь тогда ты нравилась и мне.
— И ты мне...

Из-за печки в тишине
Добавили, шутя:
— Что было — сплыло.

Смех оживил беседу.
А к столу
Все новые сельчане подходили
Здоровались,
Искали мест в углу,
Вдоль стен, садились даже на полу,
Переговаривались и курили.

Мы, Николай Петрович, здесь — в лесу.
Как там война? . . Читаем только сводку.
Порассказали б!
— Созывайте сходку,
Поговорим.
Я речь произнесу.

«Казбек» — на стол,
Планшет — на стол,
Как будто напоказ.
Перед соседями повел
Козлов такой рассказ:

— С японцами, иль с финнами,
Иль с немцами война,
Страшна она не минами,
Пожарами страшна.
Земля горит, хлеба горят,
Твоя душа горит,
Глядишь вокруг, что жив, не рад —
И жарко, и знобит.

Когда, бедой научены,
Погнали мы врага
В дремучие, зыбучие
Болота и снега
И видели сожженные
Деревни, города,
В пустыню превращенные,
Казалось, навсегда, —

Нас утешало в горести,
Что где-то за спиной
Стоят родные области,
Не тронуты войной...

И вот я здесь.
И дорого,
Что тут у вас покой,
Не пахнет дымом-порохом
И не пугают шорохи
В деревьях над рекой.

В полях не рвы, а полосы,
Не взорваны мосты,
В лесу — шатайся по лесу,
На пожнях — рви цветы.
Здесь все места обсижены,
Не дует, не течет.
Кота оставишь в хижине, —
Он все устережет.

Давно не пил я жирного
Парного молока,
Не ел ржаного мирного
С грибами пирога.
Окопы, мины, надолбы...
Не стоит говорить!
Теперь, соседи, надо бы
Хмельного наварить,
Чтоб все, что было пройдено,
Припомнить до конца...

И красным светом ордена
Сияла грудь бойца.
И с красным светом ордена
В согласье был народ:
Путей во славу Родины,
Что Николаем пройдены,
Никто не отберет.

Алена улыбается:
— Неужто здесь покой?
Мне, Коля, представляется
Жизнь наша не такой.

— А что, — сказал Козлов, — кажись,
У вас идет, как раньше, жизнь?
Вот у меня — особ статья:
Переменилась жизнь моя!

Я раненый, контуженный,
Германцев бил, сколь мог.
Слов нет, теперь заслуженный
Пришел на свой порог.

Сказал Козлов и ждет, что вот
Заговорит о нем народ.
Но людям словно невдомек,
На что он делает намек.

О месте председателя
Пока не говорят,
Его на пост не сватают.
Ужели не хотят?

Козлов опять:
— По-старому
Здесь тишь да благодать
И все, как мать поставила..
— Ну, это как сказать!

И вот уже нахмурилась
Алена Фомина:
— Сюда, конечно, с бурями
Не забрела война.

Для нас «траншеи», «надолбы» —
Мудреные слова.
Но, Коля, ты с бригадой бы
В поля прошел сперва.

Сидевший за печуркою
Седой старик вздохнул,
Взглянул на всех с прищуркою
Да ватник распахнул.

— Слова твои туманные
Не понял я, сосед,
Теперь-то с басурманами
Воюем мы иль нет?

У нас тут планы твердые
И линия одна:
Не иначе — за Одером
Закончится война.

Войну ведем, войной живем,
Все мысли о войне,
Все сбереженья отдаем...
А ты — о тишине.

С Аленой Николаевной
Колхоз шагнул вперед.
О тишине желаемой
Не говорит народ.

Иль ты в отставку полную
Задумал уходить?..

И хоть бы слово молвили
О том, как делу быть.

По самому насущному
Хотя бы пару слов!..

Алена молча слушает,
И молча ждет Козлов.

8

Лишь звезды да ребра крыш в окне.
Соседи домой ушли.
Два председателя наедине
Разговор вели.

Махорочный дым по избе, жара,
Скамейки по углам.
— Ну что ж, Николай Петрович, пора
Опять приступать к делам.

Я заждалась, учиться хочу!..
Козлов покашлял в кулак,
Ладонью провел по больному плечу:
— Ну что ж, давай, коли так!

А как народ?
— Убедим народ,
Должны бы избрать опять.
Нам только б сейчас не свернуть работ,
Разгона не потерять.

На прожитое порой взгляну —
И удивленье берет:
Сумели использовать даже войну,
Чтобы шагнуть вперед.

Тут самый невидный расправил грудь.
Равняемся по фронтам.
— Ужели же людям передохнуть
Не дашь?
— И себе не дам.

А на улице гармоника
В другом конце села
По началу очень тоненько
Припевку повела.

Словно реченька по узенькой
Полянке полилась.
В чьем-то сердце вместе с музыкой
И песня родилась.

«Погодите, не рубите
У крылечка елочку.
Хоть и раненый придет,
Я не оставлю дролечку».

«Нету кисти подходящей,
Написала б на луне,
Чтобы каждую минуту
Милый помнил обо мне».

«Как пойдешь, миленок, в бой,
Думай так, что я с тобой,
А закончится война,
Не забудь, что я одна».

За палисадниками в тишине
Скрипели коростели.
Два председателя наедине
Разговор вели.

— Ведь, кажется, до́ смерти устают,
А вечер настает —
И собираются в круг, поют:
Молодость верх берет.

Сели к окну.
Открыли окно.
Вздохнула Фомина:
— Страх не люблю, когда так темно.
Жизнь-то у нас ясна!

Надо плотину ставить скорей —
Машины будут, и свет.
— А сколько ухлопаем трудодней?
Подумала? Нет?

Все дорого нынче. А лет через пять
Приобретем за пустяк.
— Выходит, лет пять еще надо ждать?
— Выходит, что так!

— Я этого, Коля, не допущу,
Не старая пора.
— Ну, это уж я без тебя решу,
Я тоже хочу добра.

Алена задумалась:
«Да ужель
Ничем его не пронять?!
Так можно колхоз посадить на мель,
От всех соседей отстать».

И вслух продолжала:
— Коль поискать,
Доходы можно найти:
С гектар целины за рекой поднять,
Клубнику развести.

Я из района корней привезу...
Козлов засмеялся:
— Брось!
Иль мало всяких ягод в лесу?
Ходить бы время нашлось.

— Тогда запруди на Мокрушах пруд,
Карпов разведешь...
— Постой, а людские руки, а труд
Не ставишь ни в грош?

Не торопись, ведь не на войне:
Награды недостает?
И в реках довольно рыбы вполне,
Не тормоши народ.

Потом с другой взгляни стороны:
Уж разве мы так бедны?
Иль плохо жили мы до войны?
— Не плохо...
До войны.

— Или считали доход на гроши?
Нуждались в каком добре?
Иль плохо работали? Не от души?
— Не плохо...
По той поре.

По той поре давал самолет
Два ста километров в час,
Сейчас такой самолет — тихоход,
За тысячу — в самый раз.

— Небось, на язык-то каждый остер! —
Сказал Фоминой солдат...

У двух председателей разговор
Никак не идет на лад.

А «венки» разымчивый перебор
Уже на дороге, вплывает во двор,
Уже каблуки дробят.

Уже подбирается к сердцу басок.
И вот — далеко слыхать! —
Выходит Лыкова Маня в кружок,
Ее не переплясать.

«Подходили ко мне трое,
Я зараз дала отказ:
От танкиста боевого
Письмецо дороже вас.

Пишет милый письмецо,
Что победа налицо,
Чтоб встречала, выходила
На тесовое крыльцо.

С фронта дролечка вернется:
— Здравствуй, милая моя!
Дома все его наказы
Перевыполнила я.

Топну здесь да топну там,
кружевным платком махну...»

— А не пройтись ли, Алена, и нам,
Не вспомнить ли старину?

Алена вглядывается в темноту,
В махорочные огоньки.
— Хорошие люди, Коля, растут.
Вот уж не «мужики»!

Всех надо по нынешним-то годам
В техникумы посылать.
— Зачем же хороших — по городам?
А землю кому пахать?

Ведь не воротятся...
— Но почему?
Здесь тоже книги и клуб,
Такой же народ, как везде...
А кому
Отцовский порог не люб?!

Какое село мы соорудим!
Проект почти готов,
Ты поглядел бы...
— Да поглядим,
А как же! — сказал Козлов.

— Не нравится, Коля, мне разговор.
— Не нравится — помолчи.
— Не изменился ты до сих пор...
Козлов посмотрел на нее в упор
И оборвал раздраженно спор:
— Ну, ладно, других учи!

«Он словно бы вовсе не воевал, —
Подумала Фомина, —
Не наступал и не побеждал,
Мимо прошла война.

Попрежнему, видно, хоть награжден,
Остался предельщиком он. . .»
И в сердце такой холодок дохнул,
Как если бы кто ее обманул.

9

А с Дуней Фомина накоротке
Поговорила в кухне.
Сели рядом.
— Ну, рада муженьку-то?
— Как не рада!
Спокойней как-то жить при мужике.
Вот только пива наварить бы надо,
Уж ты бы разрешила,
Хоть в бачке.

— Выходит, сразу прибыло забот.
В бачке ли, в бочке ли —
Не в том задача.
Я своему сварю, когда придет.
Свари и ты, пускай хозяин пьет.
Вот жаль, что с пива разговоры начал.
Ему ведь дело надо принимать,
О деле — не о пиве толковать.

Расправив юбки сборчатый подол,
Козлова чуть помедлила с ответом.
— А я сейчас не думаю об этом.
По мне, уж слава богу, что пришел.
И с делом нечего тебе спешить,
Народ и сам увидит, как решить.

— Куда он ранен, Дуня?
— Он сказал,
Что в легкое, и не достать осколка.
Не от войны, мол, от врачей устал.
— Лечился долго?
— Говорит, что долго.

А твой-то пишет ли чего?
— Все нет!
Все нет и нет!..
И тут Алена встала.
Не встань, так не сдержаться б, зарыдала.
— Сидеть нам долго, Дунюшка, не след,
Ложись-ка спать,
Осталось ночи мало.

10

Дуня жала дотемна
И пары пахала,
Уставала допьяна —
Все казалось мало:
Не щадила сил она,
Чтоб скорей прошла война,
Чтобы легче стало.

С муженьком чтобы опять
Вместе жить да поживать
И в ладу и в счастье,
Лишь с Васюткой воевать;
Стал без батьки забирать
Слишком много власти.

Дуня женкам об одном
Говорила:
— Все вернем!
Отдохнем, успеем!
Будет глаз мужской во всем —
Снова ладом заживем,
Все помолодеем.

Муж пришел,
И вот она
Верит и не верит.
Посидела у окна,
Приоткрыла двери.

Поздно.
Муж с сынком легли —
Только бы не скрипнуть!
«Ранен в грудь», — взглянула, и
Сразу слезы потекли,—
Только бы не всхлипнуть!

Утешенье, в чем могла,
Отыскать хотела.
Дуня думать начала:
«Только б кость была цела,
Нарастет и тело!

Фомину, гляди, пошлют
В город на ученье,
Снова старое дадут
Коле назначенье...»

А в глазах опять темно,
Слез полны ладони...
Сколько ей любви дано!
Муж когда-то (как давно!)
Звал ее «тихоней».

Нет, тихонею она
Не была уже: война
Жизни научила.
Но была строга, скромна,
Немногоречива.

Безответна? — Может быть.
Так сама хотела.
Лишь бы муж остался жить,
Стала б век ему служить,
Поперек сказать,
Сгрубить
Ввек бы не посмела.

И на все хватило б сил
Помощи не надо,
Пусть он только б ел и пил,
Только б выжил, только б жил
С сыном, с нею рядом!

11

Уже поспели шаньги и блинки,
Стоял поднос с грибными пирожками —
Края прожаренные, гребешками —
Капустные дымились пирожки.
А печь была заставлена горшками.

Все, что скопила, сберегла жена
За три зимы,
Все выложила мужу.
— Одна беда, что не нашла вина.
Да, верно, будет и вино на ужин.

Схожу к Седых Никите.
С фронта он
Еще весной вернулся.
Вздорит с женкой.
Все выпил: спирт, вино, одеколон,
Он нынче промышляет самогонкой.

Бутылку приготовить упросила... —
Муж хохотнул:
—А Фомину спросила?..

Васютка где?
С сынком на плес пойду.
— Он возит рожь. Возниц сегодня мало.
— Как? И ему Алена приказала?
Мне не плясать ли под ее дуду?

Как видно, всех зажала в кулаке.
Скажи, чтоб сына больше брать не смела!..—
Его обида за сердце задела.
К тому же вспомнил вдруг о старике,
Что в вàтнике:
Трунил вчера без дела.

Жена едва смогла заговорить:
— Ты сам дошел бы до Алены, Коля.
— Зови сюда, не мне за ней ходить.
И пиво завтра ж начинай варить!
— Я наварю...
Вернусь пораньше с поля.

— Алены не боишься? Я гляжу,
Она тут лишку власти забирает
— А я на то одно тебе скажу:
Нам Фомина худого не желает.
Конечно, дисциплину подняла,
Так не во вред, на пользу для села.

И Дуня серп взяла на сундуке.
— Вот, Коленька, когда придет охота, —
Жаркое в печке, каша на шестке...
— А ты куда?
— Да ведь стоит работа.

От удивленья он протер глаза:
— Ну, вижу, ты не очень тосковала. —
Потупившись, жена ему сказала:
– Ты отдыхай, а мне в страду нельзя,
Мы здесь не воевали.
Не устала.

И не послушалась его, ушла,
Оставив мужа одного с горшками.
«Ну и смешны, солдат, твои дела!»
Со вздохом он уселся у стола
И занялся грибными пирожками.

12

Все не так!
А что не так?
Не поймет Козлов никак.
Плохо, что ли, воевал?..
Не того от встречи ждал!
Собралось людей немало,
Речь просили —
Произнес.
А чего-то нехватало,
Может, охов?
Может, слез?
Преклоненья, удивленья
От людей всего селенья,
Песен, звону, всяких благ?..
Все не так.
А что не так?
Словно стал другим народ,
А каким? — не разберет.
Был когда-то кузнецом,
Примечательным лицом.
За дотошливость, за сметку
Парня звали мудрецом.

В председатели избрали, —
Он на все махнул рукой.
Но беды у наковален
Не случилось никакой:
Без огня, без кузнеца
Не стояла кузница.
Стариками даже чтимый,
Он еще важнее стал
И попрежнему считал
Сам себя незаменимым.
Обижаться доводилось,
Думал:
«Вспомните меня! ..»
Но ушел,
А что случилось,
Изменилось с того дня?
И погибни он, к примеру, —
Статься в битве все могло! —
Все б текло своим манером
И своим порядком шло.
А нежданнее всего,
Непредвиденней... —
Да что тут! —
Не мужик вершит работу,
А неплохо...
Ничего!

Фомина Алена тоже
Разобрать всего не может,
В поведение бойца
Строго вглядывается.
За судьбу села тревога
Камнем на сердце легла:
Как бы торная дорога
Лебедой не заросла,
Сколько тут ее забот,
И бессонниц, и труда!
Дело двинулось вперед
За военные года.
Сдать колхоз — легко сказать!
С кровью надо отрывать...

13

И темно еще, и сыро,
Землю стужей обдает,
А в колхозе бригадиры
Поднимают свой народ.

В черной гуще хмельника
Ни сверчка, ни ветерка.
Не прошла еще усталость
От вчерашнего денька.

Но смеется молодица,
С прибауткой льется речь —
И долой усталость с плеч,
У людей свежеют лица.

Бригадира в избы к чаю
Зазывают:
— Чай хорош!
Так и этак величают,
Тот с ухмылкой отвечает:
— Нас водою не возьмешь!

— Чем же брать вас?
Бьем челом,
Всё же «служащие» наши,
Не простых людей зовем —
Посидели б за столом,
Очинили б карандашик...

Маня Лыкова с рассветом
За комбайн опять взялась,
Тронет то,
Проверит это,
Рвет замасленную ветошь,
Воду льет, смывает грязь.

А в овраге, за оградой,
Звон и гром — поет металл.
Кузнеца будить не надо, —
Он давно к горнилу стал.

И Козлов припоминал,
Как он раньше сам не спал.
Неужели сын, мальчишка,
Нынче батькин молот взял?

Яков Розанов обходит
С детства милые места:
Постоит на огороде,
Молча сядет на росстань.

На цветок во ржи подышит...
Но куда ни завернет,
Что ни видит,
Что ни слышит —
Он еще войной живет.

За окольною избою,
В поле чистом, паровом,
Как над дымным полем боя,
Нарастают гул и гром.

На подъемах подвывая,
Словно танк на рубеже,
Трактор, пашню подымая,
Пробивается к меже.

На току за баней черной
Барабан гудит-ревет,
Словно это двухмоторный
Бреет землю самолет.

А овины, словно доты,
Жди, сейчас взгремит «ура»!
И стучат, как пулеметы,
У амбаров триера.

Долго, долго будет сниться
Нам страды военной гром,
Будем звать межу — границей,
Реку — водным рубежом.

А Козлову из окна
Жизнь колхозная видна.
К молодому бригадиру
Подступила Фомина.

Мане Лыковой — почет,
Бригадира — в оборот:
— Почему недобрым словом
Называет вас народ?

Убирать комбайном сыро —
Все на рожь с серпом идут,
Жницы на поле всем миром,
А такие бригадиры
Карандашики грызут

Да глядят со стороны,
Как работают бригады.
Мне чиновников не надо,
Мне колхозники нужны!

Одобренья не скрывая,
Смотрит воин из окна:
«Баба все же боевая,
Зря не крикнет, а сильна!»

На Алене Фоминой
Полушалок расписной,
Как у девушки, коса
Вьется ниже пóяса.

* * *

И Николаю вспомнилась пора,
Когда он бегал в рваной рубашонке.
Алену звали попросту «Оленкой».
Подружку уважала детвора:
Она была на выдумки востра,
Никто не знал отчаянней девчонки.

В семье мальчишек не было, и ей
Дела мужские с детства доверяли:
Возить дрова,
В ночном пасти коней...
И в праздники она среди парней:
Себя «парнями» ребятишки звали.

Как помнится, одним была смешна —
В косичках ленточки носить любила.
Ни в чем другом ребят не подводила:
Ныряли все —
Ныряла и она,

Ловили белок —
И она ловила.
Училась, незаметно подросла,
И все старухи ахнули:
«Царевна!»
Густую косу туго заплела.
И вот, как по согласью, вся деревня
«Аленушкой» Олёнку назвала.

В воскресный день или по вечерам,
Когда заря во хмельниках играет,
Когда спадает над селом жара,
Не спрашивай, где песни, где игра,
Спроси лишь, где Аленушка гуляет.

В деревне любят красоту и стать.
Но ты работу покажи сначала —
По всей округе сразу будут знать.
Аленушка, невеста, всем блистала.

Руководитель лучшего звена,
Известная в районе комсомолка,
Стахановка, затейница, она
Могла ль в невестах засидеться долго?

Но только время для любви пришло
И бубенцы под окнами запели —
К правлению сбежалось пол-артели:
Аленушку в соседнее село
Колхозники отдать не захотели.

И порешили вместе с ней на том,
Чтоб жениха позвать в свое селенье.
В конце деревни выстроили дом
Широченный,
Пятистенный,
Восемь окон, две избы,
С мачтой-радиоантенной,
С целой выставкой резьбы,
С палисадом и двором —
Загляденье, а не дом.

И когда на новом месте
Поместил колхоз невесту,

Целый поезд сватов-хватов,
Кто в телеге, кто верхом,
От невесты от богатой
Подался за женихом.

Пригласили жениха:
— Соглашайся без греха!
Никакой тебе помехи,
Дел в артели — заглаза...

Зла любовь!
Ведь переехал,
Даже слова не сказал.

Как все, когда нагрянула война,
Алена мужа с плачем провожала,
Но с той поры деревня не видала,
Чтобы хоть раз поплакала она.
В войну для всех соседей Фомина
Аленой Николаевною стала.

14

Утро в горячую пору лета —
Самое лучшее время дня.
Встанет Алена еще до света,
В легкий ходок запряжет коня

И объезжает свои владенья,
Вдруг появляется, где не ждут, —
Нет ли какого где упущенья,
Всюду ль дела хорошо идут?

Все ли бригады имеют наряды?
Не догляди — пойдет беспорядок.
А чтоб везде успеть побывать,
Договориться с людьми —
Ей надо
С вечера раньше ложиться спать.

Но лишь стемнеет и стихнет селенье,
С книгой сидит Фомина у огня:
Вечер для чтения,
Для ученья —
Самое лучшее время дня.

Книги на скатерти домотканной:
Тут и учебники,
И романы,
Пачка брошюрок, бумаги десть,
Даже стихи и поэмы есть.
Карта развернутая,
На карте
Наши победы — карандашом,
Краткий курс истории партии,
Сталин —
С резною закладкой том.

Кто не видал столов в кабинетах
Директоров, генералов, поэтов?
Книжные полки,
Натертый пол...
То — в городах, вдалеке от сел.
Это ж — нигде небывалое,
Это —
Русской крестьянки письменный стол.

Стол председателя сельхозартели!
В песнях еще его не воспели,
Часто простой,
Без ножек резных,
Два только ящика выдвижных.

Но и на нем и сметы, и схемы,
Пишутся книги,
Творятся поэмы.
Может ведь статься, что Фомина
В полночь, когда отдыхаем все мы,
Песни слагает, оставшись одна.

Кто ныне сельскую Русь узнает?
Книги читают наперебой,
Тысячи курсов — и мест нехватает,
Ленин и Сталин в избе любой.

Окна открыты,
И шелест клена,
Шелест рябины слышен в избе.
С карандашом, с тетрадкой Алена
Читает «Историю ВКП(б)».

Словно бы шире становятся плечи.
Хоть по четыре странички в вечер
Даже в страду решила читать.
Думала раньше — сил недостанет:
Дело приходит — другое тянет,
А начала — неохота спать.

Жизнь — все концы ее и начала —
С книгою этой понятней стала,
Все расстоянья невелики,
Словно на берег большой реки
Вышла
И глянула из-под руки.

После — любое возьми сочиненье,
Если написано с чистой душой,
Воспринимается как дополненье
К этой книге —
Простой и большой.

Полночь.
Хотя петухи пропели,
Дню трудовому не вышел срок,
Над пятилетним планом артели
Надо еще посидеть с часок.

Только когда будильник трезвоном
На подоконнике залился,
Кой-что еще в дневник занеся,
Из-за стола поднялась Алена.

15

Фомина писала немного:
Перья тонки —
Рука сильна.
Разлинованная дорога
Все еще для строчек нужна.

Но у каждой рвенье заметно,
Если даже и лезет вверх,
Быть, чего бы ни стоило это,
И прямой,
И ясной для всех.

Ежедневные наблюдения,
Размышления, ход работ,
И победы, и поражения
Отмечались из года в год.

Все рассыпано щедрой горстью,
В каждой записи жизнь видна.
Запись, словно пучок колосьев,
Датой-поясом скреплена.

Из дневника А. Фоминой

Проводили мы на войну
Агронома и счетовода,
Избача и его жену,
Маслодела, животновода
Да учительницу одну.

Трактористов двое ушло.
Я, признаться, робею малость,
Чтобы после войны село
Без интеллигенции не осталось.

Трудно.
Много дел и забот.
Только мы не раз замечали:
Если трудно,
Товарищ Сталин
Все дела на себя берет..

Надо снова в райком писать:
Если курсы какие будут,
Дали б места четыре, пять —
Подберутся новые люди.

Вон у Дуни сынок растет:
Не сидит без дел ни минутки,
С комсомольцами вместе идет —
Ни посевы, ни обмолот
Не обходятся без Васютки.

Гидростанцию скоро начнем
Строить —
Только войну закончим,

Я его в механики прочу,
И помощников подберем.

Чтобы все своими руками —
Каждый винтик и каждый камень,
Свой почин, голова своя,
И победа будет за нами!

***

Слова два о старике,
Что даже летом — в ва́тнике.

Он попал к нам в эвакуацию
В сорок первом, издалека.
Не огород, а прямо плантацию
Разбил вокруг домка.

Злаки, разные травы посеяны.
Говорит:
«Должны зацвести!»
Говорит:
«Пора и на севере
Порядок навести, —
Верный хлеб и в лесах снимать,
Волю климату диктовать».

Счетоводство ему доверили,
Ничего —
Одолел, привык.
У конторы — каков старик! —
То посадит фруктовое дерево
То устроит цветник.

А в саду за клубом-читальнею,
Где народ отдыхать любил,
За ночь
Перед статуей Сталина
Полевых цветов посадил.

Люди встали — глазам не верится
А старик разъясняет сам:
— Это я наше чистое сердце
Положил к его ногам.

Много видел,
Душой велик —
Содержательный старик.

***

Прямо спасу от Якова нет,
Только б поспеть во всем за солдатом!
Сегодня новый принес проект:
Мельницу делает комбинатом.

Я пилораму уже нашла,
С тесом во всех делах облегченье.
Теперь для гончарного ремесла
Устраивает приспособленье.

Требует плотников, чтобы рубить
Заново — в три пролета — плотину.
Требует:
— Дайте динамомашину!
Мельница будет коров доить.

***

Много сил у нас в народе,
Надо лишь уметь поднять.
Кто к какому делу годен,
Председатель должен знать.

Маню Лыкову, к примеру,
Можно смело лет за пять
Дотянуть до инженера,
Если только в руки взять.

Конюх, скажем, должен быть
В зоотехнике, как дома,
Председатель агрономом,
Мне без этого не жить!

За Козлову Дуню мне
И неловко, и обидно:
Все молчком да в стороне,
А ее ли дел не видно!

Вышли в море — надо плыть!
А иначе — что за счастье?

Никому при нашей власти
Не к лицу тихоней быть.

«Затирают!» — говорят.
Ты затри меня, попробуй —
Так отважу, что до гроба
Будешь сам себе не рад.

Обещал райком послать
(Я прошусь в Москву!) учиться.
Не дождусь! Хочу добиться!
Только б смену подыскать

***

Думалось: только Козлов домой,
С плеч половина забот долой.

Вот и приехал он.
А денек
Радостным не считаю.
Знать, кой-кому испытанья не впрок
Время не в пользу,
Война — не урок:
Крылья не отрастают.

«Куда ты торопишься?» — говорит.
И как мне с ним согласиться:
Уже нам в глаза коммунизм глядит,
Можно ль не торопиться?!

Сегодня с утра в городке была,
В райкоме у Михалева
И рассказала про наши дела.
Ах, если бы я записать смогла
Мысли его до слова:

Союз наш, как свет над землей, широк,
Нет равной державы в мире,
И север, и запад, и юг, и восток
Такие, что нет их шире.

Над нашей страною солнце встает
У нас начинается новый год,
И новый век у нас начался,
И Ленин у нас в стране родился.

И Сталин у нас в стране родился.
Она вся — как песня,
В полете вся.
Нам первым в будущее входить.
Так как же нам время не торопить!

Мы раньше других на работу идем,
В Америке — темень,
У нас — подъем.
По проторенному нами пути,
По нашим следам миллионам итти.

А не печетесь о завтрашнем дне,
Да под ноги только себе глядите —
То в нашей, товарищ Козлов стране
Какой вы руководитель?!

***

Как вижу, Козлов чего-то
Не понял и посейчас.
Колхоз на доске почета
При нем побывал не раз.

Пахали, косили, жали —
Извечное, как урок,
И во-время хлеб сдавали,
Налоги вносили в срок.

Вставали не слишком рано,
Зачем, мол, жизнь торопить?
И сельсоветские планы
Боялись переступить.

Исправной была работа.
Козлов и стоит на том.
А люди хотят полета,
Размаха, души во всем.

Прошедшему пламя и воду,
Окрепшему в дни войны,
Такому, как наш, народу
Нужны сапоги-скороходы
И самобранки нужны.

***

Может быть, нет на земле угла,
Города, госпиталя, вокзала,
Куда бы тревога моя не дошла,
Куда бы я писем не посылала.

Петенька, слышишь ли ты меня?
Крепче любовь моя год от года.
Я бы тебя из любого огня
Вынесла, только бы голос подал.

Выдержи, выдюжи, не сломись!
Я на себя приму все тревоги.
Мы только начали нашу жизнь,
Не проторили своей дороги.

В поле, в окопе, в разбитом дому
Вера моя тебя охраняет.
Боли твои на себя приму,
Пусть твое сердце страха не знает.

Легкого счастья на свете нет,
Все добывается с кровью, с бою.
Пусть в твоем сердце не гаснет свет.
Петенька мой! Я всегда с тобою.
Ночь коротка,

А заснуть невмочь.
Полночь на Спасской башне пробило.
Жаль, не оставил ты сына иль дочь,
Мне бы спокойней и легче было.

16

К Козлову долго Фомина не шла,
Хоть надо было,
Но — сломался трактор,
Овес поспел,
Застрял обоз на тракте,
Семян недоставало — все дела...
А Николай выдерживал характер.

— Так вот как принимаем мы гостей! —
Сказал он ей. —
Уважила, Алена!

Я думал, встретят с поясным поклоном,
Да, видно, ты превыше всех властей
И у тебя на все свои законы.

Иль ты и надо мною генерал?
Не так солдата привечать бы надо.
Я генералов не таких видал,
Мне сам Калинин орден выдавал
(Солдат приврал!),
Но я не о награде.

Сижу безвыходно в избе пустой
Один, без дела, с печки не слезая!
Алена вскрикнула:
— Постой! Постой!
Ты здесь не гость,
Ты дома, ты хозяин.

— А раз хозяин, созвала бы ты
Собрание да, объяснясь толково,
Сдала дела.
Что прячешься в кусты?
Иль мне быкам заламывать хвосты?
С колодца воду подвозить коровам?!

И Фомина сдержаться не смогла,
За плечи косу кинула сердито:
— Не торопись!
И здесь война была,
И мы хлебнули горького досыта.

Заслугами своими не кичись,
Я генералов не таких видала.
Войну прошел,
А нашу знаешь жизнь?
В войну здесь люди тоже поднялись.
Теперь у нас попробуй отличись,
Чтоб вся деревня за тебя стояла.

Собранья требуешь? Могу собрать,
И отчитаться можно — сделай милость!
Но лучше было б с этим подождать,
Гляди, конфуза чтоб не получилось.

Тебя же знают тут со всех сторон.
Вон говорят:
Из кожи, мол, не рвется
И от добра добра не ищет он...
А это нынче, Коля, не закон.
Народ с тобой, гляди, не уживется.

Возьми сперва, что легче.
Выбирай:
Животноводство, стройку — что по силам,
И бригадиром я бы предложила —
Сейчас везде работы через край,
Лишь знаний да охоты бы хватило.

Вот Яков Розанов у нас теперь
На мельнице —
И так поставил дело
По-фронтовому — четко да умело,
Что сердце радуется.
Верь не верь —
Один солдат бригады стоит целой.

Иль, может, больше подойдет тебе,
Пока не крепок и лечиться надо, —
В обед читай газеты по бригадам
Где приведется — на поле, в избе,
У молотилки, —
Люди будут рады,
Без чтенья как-то всем не по себе.

Присмотришься, подумаешь, поймешь...
Козлов опешил:
«Что она — смеется
Или всерьез?» — глядит, не разберется.
— Отставку, значит, полную даешь?

— Зачем отставку? Дело подберем.
Желанье было бы.
Введем в правленье...
Но он уже любое предложенье
Стал принимать теперь за оскорбленье.
Все поворачивалось кверху дном:
— Так вот как изменилось положенье.
Забыла об ученье о своем.

Ну что ж! Коль так, я отдыхать хочу,
Работать я, хозяюшка, не буду,
Мне и в правленье быть не по плечу.
Вот пенсию в районе получу.
Я не подсяду к даровому блюду!

Есть грузди в роще,
Рыба в речке есть,
Охота добрая, и ягод вволю...
— Ты, стало быть, решил на шею сесть
Жене и сыну?
Думаешь, позволю?

Что скажут люди, Коля?!
— Ах, напасть!
— И дисциплину не имеешь права
Нарушить.
— Ишь ты, воинская часть!
— А ты не знаешь нашего Устава?

Козлов поднялся, тяжело дыша,
Под стол со стуком табурет задвинул:
— Ну что ж, назначь, Алена, в сторожа,
Колхозную уважу дисциплину.

Что люди скажут, поглядим потом...
Алена с горьким гневом улыбнулась:
— Да, я в своих надеждах обманулась!
На продуктовый склад кладовщиком
Пойдешь, коль так, —
Вздохнула, отвернулась,
Добавила:
— Нам нужен кладовщик.
Надеюсь, что обвешивать не будешь?
— Назначь, назначь! Пускай посмотрят люди:
Начальство — ты,
В кладовке — фронтовик.

Поздней жене и сыну перед сном
Козлов, нахмурившись, сказал:
— Ну, баба!
Меня берет на поводок во всем,
Я, председатель, стал кладовщиком!.. —

И засмеялся: —
В деле боевом
Дивизией командовать могла бы.

Семья, как видно, слов не поняла.
Сын подтвердил:
— Конечно бы смогла,
Ведь на твоем недаром месте служит. —
А Дуня молвила, садясь за ужин:
— Жизнь для Алены нынче тяжела,
Уж года два как писем нет от мужа.

17

«Вот тебе и «озорна»!
Словно б даже ростом
Выше стала Фомина.
А давно ль была она
Комсомолка просто».

У Козлова в горле ком:
«Все-таки с солдатом —
Орден ведь! — с фронтовиком
Слишком грубовата».

Захотелось обойти
Все поля, дороги.
Согласился бы ползти,
Если б сдали ноги.

Перемен особых нет
В жизни,
Но, пожалуй,
Для таких тяжелых лет
Их не так уж мало.

Главный в деле поворот —
Это сразу ясно:
Не болтается народ
По селу напрасно.

Завернул на сеновал —
Дооткazу сена.
Но в конюшне увидал
Грязи до колена.

Охнул:
— Видно, за конем
Никакого глазу!
Мы там головы кладем,
Дома — безобразят.

В скотный двор зашел —
И здесь
Ждал всего худого,
Но взглянул — коровы есть,
Ничего коровы!

Чистота, простор и свет —
Ничего не скажешь.
Накричать причины нет,
Стало жалко даже.

Запах леса, шум ржаной
Подступают к горлу.
Ввечеру, как в дом родной,
Потянуло к горну.

Думал, может быть, Козлов,
В кузне ни металла,
Ни мехов, ни молотов
Без него не стало?..

— Здорово, дед!
(А сердце бьется!)
— Здорово, служба. Как живем?
— Что за бадейка?
— Для колодца.
— Куется как?
— Чуть свет куем.

Все обжитое, дорогое —
Мехи, корыто, молоток...
Волнуясь, словно перед боем,
Переступил Козлов порог.

Сынок Васютка тут же был,
Смутился, но не отступил,
Лишь взял кувалду из угла,
Как будто в том нужда была.

Передник кузнеца хоть брось —
Прошит окалиной насквозь,
Окладистая борода
Рыжа, как ржавая вода.

Он клещи опустил в горнило,
Слепящий вытянул брусок —
И сразу стены осветило,
И расцветило потолок.

— Чай, не забыл свою работу? —
Заговорил, помедлив, дед. —
На ней одной стоит весь свет:
Ни посевной, ни обмолоту —
Без кузнеца движенья нет.

Ни отдохнуть, ни вымыть руки. .
Чуть не досмотришь — быть беде,
И там поправь,
И тут постукай,
Подкуй, подбей —
Кузнец везде.

И ведь не спросит дед Козлова,
И в мысли не придет ему,
Что, может, «служба» хочет снова
Вернуться к делу своему!

— Ну, говори мне напрямик:
Как без хозяина живется? —
Спросил Козлов,
(А сердце бьется!)
— С хозяйкой! — отвечал старик. —

Скажу, но только не взыщи, —
И руки вытер о передник. —
Об этом думал я намедни:
С ней больше света для души.

Покою, верно, не дает —
Ни дня без нового наряда,
Но ты ведь знаешь наш народ,
Ему бы все вперед, вперед,
А Фоминой того и надо.

Ведет на жатву словно в бой,
И все ей мало, мало, мало.
Не плохо жили и с тобой,
Но все чего-то нехватало.

У ней все люди на счету,
Она любому влезет в душу.
Ну вот и все,
Начистоту,
Не любо, говорят, — не слушай.

Васютка глаз не поднимал.
Отец к нему спиною стал
И кузнецу сказал:
— Дай, дед,
Поколочу — смогу иль нет?

Не торопясь, расправив плечи,
Он к наковальне подошел,
Взял молот
(Раньше был он легче!)
Ударил. . .
— Дай, старик, еще!

Старик, схватив его подмышки,
Ворчал:
— Гляди, не упади! —
Потом приподнял, как мальчишку,
И на скамейку посадил.

— Остерегись, не надорвись! —
Сказал, как сыну, грубовато. —
Ни в грош свою не ставишь жизнь,
А ведь теперь и жить солдату.

18

Два плаката на гумне:
«Все для фронта!»
«Хлеб — стране!»

Перевеянная рожь
В ворох ссыпана к овину.
Три подводы и машину
Снаряжала молодежь.

Комсомольский секретарь
Лыкова
Во все вникала,
Досконально проверяла
Весь извозный инвентарь.

Говорил о ней народ,
Что во всем с Аленой схожа,
Фоминою будет тоже,
Только силы наберет.

Солнце — любо поглядеть,
Сушь — с восхода до заката.
— Хорошо бы нам, девчата,
В город первыми успеть!

Хочется поговорить,
Но во время обмолота
Барабан не заглушить,
А молчком — не та работа.

И девчата стали петь.
На току машин гуденье —
Музыки сопровожденье.
— Да, не плохо бы успеть.

— День погож! — поет одна.
— Ну и рожь! — поет другая,
В холстяной мешок ссыпая
Жестяной совок зерна.

Кто-то громко помянул
За работу добрым словом
(Тоже песней) Фомину.
— Ну, а как теперь с Козловым?

Избирать его иль нет?
Маня сразу сбилась с пенья:
— У меня такое мненье —
Выбирать его не след.

Не уйдем далеко с ним,
Ходу он не даст артели.
— За Алену бой дадим! —
Комсомольцы зашумели.

И когда из-за мешков
Появился сам Козлов,
Голоса не улеглись.
В вихревых столбах половы
Не заметили Козлова.
— Жми, ребята!
Шевелись!

Заглушая гул мотора,
Только громче стали петь:
— Наш обоз, ребята, в город
Должен первым подоспеть!

19

Устал, как на покосе в зной,
И голоден,
Но нет терпенья,
Решил еще зайти в правленье,
Лишь не столкнуться б с Фоминой.

Колхозная контора
Просторна и светла.
Чернильные узоры
По всем краям стола.

В углу плакат, как вывеска,
Двухцветная доска.
Стена в газетных вырезках
И в «Боевых листках».

Другая в фотоснимках,
Полученных с войны:
Сидят бойцы в обнимку —
Колхозные сыны.

На самом видном месте
Узнал он свой портрет,
Все чинно, честь по чести,
Обиды будто нет.

Окинул карту взглядом:
Все стрелы на Берлин,
Разделано, как надо,
Охаять нет причин.

Артели «Годовой отчет» —
Трехзначные ряды:
Приход-расход, приход-расход,
И тонны,
И пуды.

Потом — «Распоряжения»,
Особая стена.
И всюду:
«Предправления —
Алена Фомина».

Под новою картиной
Стояло пианино.
Пусть за него покуда сесть
Никто не мог, но люди
Считали:
Пианино есть
И пианисты будут.

В конторе только счетовод.
Графленый лист в руке.
Козлов глядит:
«Да это ж тот...
Знакомый... в ва́тнике».

Кивнул ему, сказал:
— Привет! —
И сел на табурет.
(А кресло где, в котором он
Сидел немало лет?)
— Что я тебя не помню, дед,
Ты здешний или нет?

Старик откашлялся в кулак,
Бумагу отложил:
— Сказал бы все, не знаю как...
— По совести скажи.

— Так я, коли по совести,
Из дальнего угла:
Из разоренной области,
Сожженного села.

Мы шли от горя тяжкого
Семьей куда нивесть. —
И он тряхнул костяшками,
Откинул пальцем
Шесть.

— Нас было шесть.
Дорожкою
Лесной ночами шли.
Сначала под бомбежкою
Две дочки полегли.

Старик на счеты не взглянул,
Но снова руку протянул,
И снова счеты брякнули,
Как будто гальки горсть...
— Старуху прямо на поле
Похоронить пришлось.

«Брось!» — вздрогнув, чуть не закричал
Козлов на старика.
Но сам старик не замечал,
Что делает рука,
Знать, горю нехватало слов.
И обрывать не стал Козлов.

— Пристал сынок к разведчикам,
Известно: сыновья!
Остался, делать нечего,
С одною дочкой я.

Дошли, когда растаяло,
До здешних палестин...
Здесь дочь меня оставила,
В итоге — я один.

На старых счетах желтая
Одна осталась кость,
Поблекшая, истертая...
— Но я в селе не гость.

Прибилась дочка к городу,
Я не перечу ей,
Но сам я, братец, смолоду
Живу среди полей.

Не разлучусь с землицею,
Мне нужен садик, двор,
Да чтоб смолой-живицею
Дышал вокруг простор,

Да озером,
Да пожнею...
Кто в чем увидел свет,
А для меня, сосед,
Ну, ничего надежнее
Земли родимой нет.

Возьми в соображение
Еще статью одну:
Почет и уважение —
Мы кормим всю страну.

В селе я не на выделе:
Свой брат,
И власть своя,
И службой не обидели.
Выходит, здешний я.

Под старость все меняется,
Но что на жизнь пенять:
В итоге получается —
Семьей живу опять.

К тому ж хозяйка здешняя —
Хозяйка с головой,
Она, конечно, женщина,
Но баба ничего!

— Довольны, что ль? — спросил его
Козлов.

— Да как сказать,
Пожалуй, что ни на кого
Не стали бы менять.

И ведь, стуча костяшками,
Не спросит старый чорт,
С какою думой тяжкою
Солдат Козлов живет.

К селу прибился с волока,
И жизнь ему легка,
И, впрямь, бойка рука:
Перещелкать попробуй-ка
На счетах старика!

«Только бы не в сторожа,
С боевого рубежа,
Не на понижение:
Хуже острого ножа
Это поражение!»

20

Председатель Фомина
Говорит:
— Убеждена,
Что на свете нашей службы
Нет трудней,
Люта она!
Разве только шоферам
Так еще везет, как нам.
Дни и ночи маешься,
С кем ни поругаешься —
Рассудительное слово
Не доходит до иного,
Помутнеет белый свет,
А спасиба даже нет..

Фомина шумела в меру
(Промолчать — не вынести!)
С бригадирами, к примеру,
По необходимости.

С Маней Лыковой:
У той
Нрав крутой,
Не золотой,
Чтобы с ней поговорить,
Надо зубы навострить.

Вот уж верно — жар в груди:
Коль сама не впереди,
То не видит смысла в жизни.

Чуть заминка —
Всех, гляди,
Обвинит в оппортунизме.

В поле, в гумнах, на дому
Наступала и шумела
Фомина,
Все потому,
Что для всех добра хотела.

Председатель бывший даже,
Николай Козлов,
И тот,
Как приметил весь народ,
Поперек два слова скажет —
И позиции сдает.

Потому-то для села
И загадка в том была,
Что она с Седых Никитой
Долго сладить не могла.

Все Никита в жизни мог,
Счастье баловало,
Для него больших дорог
Выпало немало.

Рос веселым, разбитным —
Девушки любили,
Под гармонь гурьбой за ним
По селу ходили.

Понемногу все умел,
Но искал чего-то,
Заниматься не хотел
Маленькой работой.

Без охоты дома жил
И в полях ни разу
Ни к чему не приложил
Силы доотказу.

Много выпало дорог,
А ноги не стало —

Он найти себе не мог
Даже тропки малой.

Как-то сразу посерел
И, на все в обиде,
Ни больших, ни малых дел
Для себя не видел.

Воротился в дом родной —
Все осточертело,
С постаревшею женой
Ладить надоело.

И жена — тиха, грустна —
Плачет на народе.
Уж кончается война,
Ей не легче:
Все одна
На работу ходит.

Муженька не узнает,
Он все дни гуляет.
И почет ему не тот.
Плачет женка,
А народ
Слезы понимает.

Где он душу разменял,
Колеся по свету?
Дом ему немилым стал,
Словно и не воевал
Он за землю эту.

Тряпки, мыло, табачок...
Купля и продажа.
Ездит в город на толчок.
Чем не новый кулачок?
И ухватка та же.

Грех, но больше нету сил...
Лучше б овдовела,
Лучше б он не приходил,
Лучше б голову сложил,
Чем такое дело!

* * *

Молчаливый, перекошенный
Костыляет инвалид.
У шинели вид заношенный,
Козырек к затылку сбит.

— Кто такой?
— Седых Никита. —
Горе ходит неприкрыто.
У людей душа болит:
Пьет Никита-инвалид.

Где его повадка твердая,
Где его поглядка гордая?!

Обтирает пот рубахою,
Сам похож на мертвеца,
На Никите нет лица.
Люди охают и ахают,
Отплевываются.

На него Козлов глядит:
«Что же это деется?
Две нашивки на груди —
Это не безделица.
А вокруг народ твердит:
«С толку сбился инвалид!
Не нога — душа отбита!»
Плох ты стал, боец Никита!
Может быть, такой почет
И меня в деревне ждет?»

— Стой, Никита!
Что ж ты, брат:
Что ни день то новости,
Не добром тебя честят.
С кем войну ведешь, солдат,
Расскажи по совести.
Будто пьешь,
Стекла бьешь,
Людям ходу не даешь?
Приверни-ка!

У крыльца
Громыхнув задвижкой,
Тот вошел:
— Поклон бойца!
— Проходи, братишка!

Сел Седых к столу, кисет
Вынул из-под кепки
И сказал:
— Верти, сосед, —
Замореный, крепкий.

А кисет широк и ярок,
Буквы шитые горят —
Фронтовой, должно, подарок, —
А в кисете самосад,

Ядовит его дымок.
— Ну рассказывай, браток,
Как дела?

— Тут все дела
Поделом заело.
Первым делом у села
Фомина всю власть взяла —
Разве это дело?!

И Никита сплюнул,
На цыгарку дунул.

— Настоящей силы нет.
Бабы и отчасти
Сосунки в тринадцать лет
Тут стоят у власти.

Всё, конечно, у бабья
На детсад похоже:
Философия своя,
Угол зренья — тоже.

Им бы печи да вода,
Ступки да корыта...
А мы брали города!
А нам горе не беда!
— Не чуди, Никита!

Не черни зазря село.
Если разобраться,
Тут, брат, тоже дело шло,
Не к чему придраться.

Но Седых уже кричал,
Поднялся, ногой стучал.

— Устояла земля
На одном солдате.
Почему ж не ты, не я
Здесь председатель?

Видно, как ни чуди,
Нам из этой чащи
Надо в город уходить, —
Случай подходящий.

А потом, косясь на дверь,
Вдруг шепнул Козлову:
— Может, вновь тебя теперь
Примут за основу?

Ты не баба и давно
Во главе артели.
Мы б с тобою заодно
Всем селом вертели!..

И когда со скрипом встал,
Взяв кисет солдатский,
Прямо в ухо зашептал
Уж совсем по-братски:

— Может, хочешь первачу?
Не вино, а диво.
— Нет, Никита, не хочу
Ни вина, ни пива.

На себя взгляни сперва.
Фомина, кажись, права,
Дело, видно, знает.
Сердце, брат, твои слова,
Ну, не принимает.

Я и то работу взял!
И тебе пора бы.
Я теперь завскладом стал...
Тут Седых захохотал:
— Обломали бабы!

Эх, брат,
Слушай, брат!
Ты солдат, и я солдат.
На селе с тоски умрешь,
Поживешь, и ты запьешь:
Лужа окаянная,
Скука деревянная.

А мы брали города,
А мы парни хоть куда,
Неужели ж нам с деревней
Не расстаться никогда?!

Не хочу я жить в артели,
Сарафаны надоели.
Буду в городе, на воле,
Не женатый, холостой,
На виду...
А здесь я кто? —
Николай спросил:
— А то ли?..
Так ли?.. —
Охнув, как от боли,
Проскрипел он:
— Верно, Коля,
Все не то!

Высек искру из кремня,
Закурил:
— Поверишь ли,
Горожанин из меня
Тоже не всамделишный.

Трудно, Коля, трудно, брат,
Ты поймешь,
Ты сам солдат...

Вот и все речи.
Только в тот же вечер
Много слухов по селу
Шло об этой встрече...

21

После ужина на печке
За трубой Козлов прилег.
Дым свивается в колечки
И летит под потолок.

На подушке пуховой
Отдыхает домовой,
Сытой лапой морду трет
Домовой —
Усатый кот.

И Васютка лег усталый,
Только Дуня не легла:
Все, что за́ вечер узнала,
Пред глазами снова встало —
Сном забыться не могла.
Просто сплетни,
Может — хуже,
По селу идут о муже.

И тревожный и сердитый
Голос вдруг услышал он:
— Ты не путайся с Никитой,
Он тебе не компаньон.

Не затем тебя ждала,
Долгих ночек не спала.
От людей не отбивайся!..

И Козлова злость взяла.

«Удивительное дело,
Как «тихоня» вдруг запела,
Где отваги набралась?
Хоть бы в чем разобралась.
Дома всю войну сидела,
А теперь туда же — власть!»
— Ты кого учить взялась?

Что же это в самом деле,
Я хозяин или нет?! —
Даже сын вскочил с постели,
Не слыхал он много лет,
Чтоб от крика стекла пели.

Дуню, к счастью иль к несчастью,
Сразу оторопь взяла.
Устоять пред мужней властью —
Где ей, бабе? — не смогла.

Злости нет, и пылу нет:
«И зачем обидела!
Верно, — он изъездил свет,
А она что видела?»
Только боль да бабья жалость
У нее в душе осталась.

Сына к сердцу притянула,
Приласкала, обняла
И с такой тоской вздохнула,
Словно ношу подняла.

— Верно, Коля, я была
Дома,
Верно, Коля!
И теперь, смотри, дела
Не пускают с поля.

Мне награда не нужна,
Только ты послушай:
Загляни хоть раз до дна
И в мою душу.

22

Тишина ты, тишина,
Узенькая улица!
На картошке у гумна
Копошится курица.
А мальчонка и жена
Снова в поле трудятся.

От зари до зорюшки
То в лесу, то в полюшке,
На новинах, на лугу,
На заречном берегу.
А в кладовке у Козлова
Ни забот, ни горюшка.

Принял с пасеки медок,
Записал — не сложно,
И опять хоть весь денек
За порог пускать дымок
Без помехи можно,
Или спать,
Или читать,
Или по лесу гулять
С полдника до ужина..
А, по правде сказать,
Разве не заслужено?!

Летают утки над рекой,
А до реки подать рукой.

Взяв уду в руку, котелок
Надев на ремешок,
Пошел Козлов на весь денек
К реке на бережок.

Еще не вышел из села —
И вот они — поля!
Ах, до чего же ты светла,
Родимая земля!

На елке белочка-клубок,
Как огонек, горит.
Взлетают из-под самых ног
Тетерки, глухари.

На полдень глянул с бугорка:
Тиха, неширока,
Под солнцем вспыхнула река
Белее молока.

Потом вблизи, в листве резной,
Под ивой навесной
Она сверкнула вдруг сквозной
Сплошной голубизной.

А подошел — она текла,
Прозрачнее стекла,
Как будто вся — родник живой:
Присядь, рубцы войны омой.

Среди рябин и тополей
Бульбульканье воды
Напоминает журавлей
Гортанные лады.

А на мели, меж валунов,
И свист, и звон, и гул...

Разулся не спеша Козлов
Да ворот расстегнул,

Надел наживку на крючок,
Воткнул в траву уду
И лег к обрыву на бочок —
Вся рыба на виду.

Затих.
Теперь сиди, кури,
Сиди, не шевелись.
Вот налетели пескари,
Сорожки пронеслись.

Вот появился окунек,
Схватил крючок взаглот
И под корягу поволок:
Такой не подведет.

В червя вцепившись, мелкий ерш
Застыл.
Чего ж ты ждешь?
Хитришь, как мелкий плут?
Но врешь,
Меня не проведешь.

С оглядкой щука подошла,
Крючок на зуб взяла,
Чуть потянула, повела
И с леской уплыла.

Рыбак достал другой крючок
И вновь улегся на бочок.

Время здесь не быстрое,
Год пройдет — ни выстрела,
Ни начальства, ни тревог,
Сам себе и царь, и бог.

Прокричит порой желна
В перелеске хвойном —
И опять спокойно.
Только скоро тишина
Надоела воину.

Как-то раз наедине
Он себе признался:
«Все ж работа не по мне,
Не за то я взялся!»

Все надеялся, придут,
Скажут: «Упущенье!»
И введут в правленье,
Уговаривать начнут
Чуть не всем селеньем.

Приглашений ждет-пождёт,
А никто ни слова,
Фомина не позовет
Никуда Козлова.

Про нехватки с ним народ
Не заводит речи,
За советом не идет —
Погордиться нечем.

Как и что ни говори,
А обидно, чорт дери!

«Вот так положение:
Угодил я в сторожа
С боевого рубежа.
Хуже острого ножа
Это унижение!»

23

Из дневника А. Фоминой

***

Шумит! . .
А я-то вижу,
Как он глядит, глядит,
К тому, что было, ближе
Податься норовит.

Уже тоска во взгляде,
А что плохого в том,
Что он — кладовщиком,
Ведь можно и на складе
Работать с огоньком.

За что не знает взяться,
А подтолкни слегка —
И станет обижаться:
Мужчина как-никак.

Как будто бы порода
Другая у мужчин,
Как будто это сроду
У них особый чин.

Сказать бы Дуне надо:
Смирна не в меру с ним.
Блюдем былые взгляды
Во вред себе самим.

Пускай не так поймется,
Хулить начнут — стерплю,
Козлову руководства
Пока не уступлю!

***

Никиту Седых унять не смогла,
А люди обижаются.

Ужель он навеки пьяница?
Что делать? Прогнать его из села
Руки не подымаются.

Подумаешь только — и сдавит грудь,
Несчастье-то великое:
Быть может, и Петя мой где-нибудь,
Раненый, горе мыкает...

***

Если б со мной был маленький,
День заходил бы за день:
То надо справить валенки,
То рубашонку разгладить.

Я бы звала его Петенькой,
Ласковым именем мужа.
Сшила сама бы светленький
Костюм, городского не хуже.

Сумела — насочиняла бы
Сказок поинтересней,
И на ночь ему напевала бы
Свои колыбельные песни.

Купала бы в речке, холила,
Чтоб не болел ни разу,
С сынком и сама бы вспомнила
Былые свои проказы.

Сама бы ходила наряднее
И песни бы чаще пела,
А он бы рос, ненаглядный мой,
Охочий до всякого дела.

Матери! Нету счастливее
Ваших забот на свете,
Нет и труда красивее!
Там лишь семья, где дети.

Ученого и солдата —
Всех матери поднимали.
Ведь маленькими когда-то
Были и Ленин, и Сталин.

Пусть за столом обеденным
Места пустого не будет.
Пусть наши дети наследуют,
Что́ отстояли люди.

В нашей великой отчизне
Жить им при коммунизме!

***

Что надо сделать нам в селе
Для новой жизни,
Чтоб наступило скорей на земле
Время коммунизма?

Думаю, надо сперва суметь
Всем без исключения
На самих себя посмотреть
С новой точки зрения.

Люди мечтали много лет,
Много столетий,
Чтоб водворились правда и свет
На белом свете.

Пишут теперь:
Никогда, нигде
Еще не бывало таких, как здесь,
Чистых сердец,
Отважных людей.
А это мы и есть!

Самые светлые книги у нас,
Лучшие люди мира за нас.

Мы ныне во всех делах впереди —
Самый великий народ.
И если так на себя поглядим,
Любая работа спорей пойдет.

Перво-наперво мы должны
Добиться такого порядка,
Чтоб никогда ни в чем у страны
Не было недостатка.

Пусть урожаи из года в год
Будут устойчивей и добротней,
Рожь, скажем, двести пудов дает.
Лен-долгунец, скажем, сотню.

Далее следует взяться нам
И перестроить село,
Постараться,
Чтобы могло оно потягаться,
Скажем, с райцентром по всем статьям.

Многое Родиной нам дано,
Старое сгинуло безвозвратно.
Сделаем: книги, театр, кино
Будут в колхозе для всех бесплатно.

Вот пооправимся и проведем
Такое решение:
Всех стариков, инвалидов возьмем
На полное иждивение.

В вузы отправим ребят: учитесь,
Только не чваньтесь,
Зря не гордитесь,
Да возвращайтесь в свои дома,
Не порывайте с колхозом, с областью.

Многого я еще и сама
Не представляю полностью.

Счастье великое — наш удел.
Светлой мы служим цели.
Хватит для всех и забот, и дел.
Надо, чтоб каждый колхозник сумел
Быть председателем сельхозартели.

Дальше.
И слов нехватает даже.
Дальше товарищ Сталин подскажет.

***

Я еще не видала Сталина.
Если б дожить до такого дня!
В Кремль созывать, как раньше, стали бы,
Может, направили б и меня.

Звезды над Красной площадью светятся.
Словно я вижу ее наяву —
Нашу указчицу
И советчицу,
Коммунистическую Москву.

Небо, наверно, высокое, синее,
Даль до границ чиста и светла...
Это Москва ныне мир спасла:
Если б не наша московская линия,
Чем бы сегодня земля была?!.

***

Как долго я дожидалась
Сегодняшнего звонка!
Как долго я собиралась
Учиться,
И... отказалась:
Нельзя! Не могу пока!

Козлова поднять охота,
Чтоб в з а в т р а смог заглянуть.
Дождусь, когда люди с фронта
Вернуться, тогда и в путь.

Пускай еще минет год,
Москва от меня не уйдет.

24

Николаю с женой у загона
Повстречалась в полдень Алена.

«Что-то слишком лицо бледно...
Что-то слишком сухи глаза...»
— Ты бы, Коля, ей хоть одно,
Хоть словечко б какое сказал!

На себя не похожа она... —
Тот спросил Алену:
— Больна?
— Нет!
— Письмо получила?

— Да!
— Не от мужа?
— Нет!
— Так о муже?
Жив?
— Не знаю. Пропал без следа.
Это, может быть, смерти хуже.

И не стон раздался, а крик,
Так, что даже вздрогнул мужик,

Но Алена стоит перед ним,
Губы сжаты —
Ни вздоха, ни стона...
Это Дуня, а не Алена
Захлебнулась криком глухим.

Это, горем поражена,
Дуня слезы свои сглотнула...

Словно нет ее — Фомина
Головы не повернула.

Николаю в лицо глядит
И не хмурится:
— Загораешь? —
Душу взгляд ее леденит,
А что думает — не узнаешь.

— Кто поверит, что в кладовой
Вся работа — принять да выдать?
Это, Коля, пост боевой,
Надо только работу видеть.

Ты контроль наведи во всем —
Где огрехи, хвосты, потери.
Банк проводит контроль рублем,
А тебе вроде банк доверен.

Надо людям жить помогать,
Направлять, поднимать их выше.
Иль потише работу дать?
Пастухом, может, хочешь стать?
Что молчишь?
Найду и потише. —

Фомина разговор вела
Лишь о деле,
Только о деле,
Видно, боль велика была —
Допустить в тот день не могла,
Чтобы в душу ее смотрели.

25

Без вести пропал Фомин, и ждать
Перестали земляки солдата.
«За ненахожденьем адресата»
Письма возвращались.
Только мать
Не хотела ничего понять:
— Почта, надо думать, виновата!

К продавцу ходила, к избачу —
Не сгибает старую усталость! —
И к учителю:
— Черкни хоть малость... —
Не больная — забрела к врачу:
— Написать бы так, как я хочу,
Чтобы к сыну шло, не возвращалось.

В Киев пишет, в Ригу, в Ленинград.
— Не таков мой сын, чтоб затеряться,
Жив ли, нет ли, должен отыскаться... —
Но опять:
«Не найден адресат».
Доплатными шлет — идут назад.
Сны недобрые старушке снятся.

Веры нет и снам!
До темноты
На работе
(Неспокойно дома!)
Съездила к секретарю райкома:
— Напиши теперь, родимый, ты,
Есть ведь партизанские посты,
Уж тебе-то все пути знакомы.

Будьте прокляты, кому война —
Не война, а прибыльное дело!
Горе материнское без дна,
Ненависть сильна,
Ей нет предела!

Пишет, пишет, пишет письма мать.
Ей ли сына кровного не ждать!

***

— Здравствуй, доченька! — и в поклоне
Мать согнулась: —
Мир да любовь!..

На воскресный день к Алене
Приехала свекровь.

— Здравствуй, мама! —
Алена встала,
Провела ее, обняла. —
Долго ж нас ты не навещала,
Я тебя что ни день ждала!

У старушки глаза большие,
Руки в ссадинках, в узелках,
Даже брови, и те седые...
А в глазах надежда и страх:

«Может, что-то невестка знает?..
Может, все-таки, Петя жив?..»
Нет, она еще не рыдает,
Только охает да вздыхает,
На коленях руки сложив:

— Из соседнего к нам селенья
Заходил на-днях инвалид.
Что поделаешь, говорит,
Не хочу, говорит, огорченья,
Только видел Петра —
Убит!

Враг подвел, говорит, резервы,
Наших выследив за рекой.

Петр в атаку бросился первый.
(Знаешь, Петя у нас какой!)

Кровь с землей, говорит, смешали.
Отступили потом чуть свет.
Тело, видно, не подобрали,
Потому и в убитых нет.

Человек, может, сорок живы... —
Смолкла старая.
Из-под бровей
За Аленой следит пытливо —
Материнское сердце ревниво:
Что-то скажет невестка ей?

А невестка ясно и прямо
В сердце, в душу ее глядит:
— Все про смерть говорят мне, мама,
Только я не верю,
Упряма,
Верить мне любовь не велит.

Мать как будто стала моложе,
Засияла, сняла платок:
— Я не верю, доченька, тоже,
Он без вести пропасть не может,
Не таков мой Петя, сынок!

И до дна распахнулись души.
Стол.
Над ним — голова к голове.
— Ты послушай!..
— А вот, послушай!.. —
Все о Петеньке, о Петруше —
И уж мать не одна,
Их две.

— В поле хлеб загорелся как-то.
Страшно вспомнить. Не подойдешь!
Петя вывел всю молодежь.
Лезли прямо в огонь ребята
И спасли,
Отстояли рожь...

— А у нас он людей научил
Делать кринки и кирпичи.
Если б Петя...
Ну, если бы Петя!
Много ль Петей таких на свете!..

— Если б Петеньке воротиться,
Я бы стала еще учиться.
Мне сказали: как подберешь
Для себя замену...
— И что ж,
Петя, дочка, на все годится,
Лучше смены ты не найдешь!

У меня и Виктор сынок
Председательствует толково.
Воротился с войны и снова
Заступил, погуляв денек.
Мне вот, доченька, невдомек,
Что такое у вас с Козловым?..

Так сидели да вспоминали.
Спохватились — в окне темно.
Помечтали, и повздыхали,
И поплакали заодно.

26

А вот и осенний сев настал.
Погода что надо с неделю кряду.
Васютка Козлов подобрал бригаду
И Сталинградской ее назвал.

С утра снарядили покрепче коней.
Ребятам годков по десять, не боле.
Поручено:
За шесть погожих дней
Заборонить озимое поле.

Сама Фомина давала наказ,
Они его приняли, как приказ:

— Забудьте о доме, о сладком сне,
На фронте жилье — блиндажи и землянки,
Считайте, что вы теперь на войне
И это не бороны, а тачанки...

А поле — взглянуть на него и вздохнуть:
Огромное,
Нет ни конца, ни края.
Таким представлялся ребятам путь
На запад —
От Волги и до Дуная.

Ночами опушки черным-черны.
Бездонное небо героев пугало.
Порою казалось им, что луны
И звезд над землей вовек не бывало.

Уже не канавы кругом, а рвы,
Не камни, а чудища. . .
(Что такое?!)
От шума листвы,
От крика совы
Бледнели и вздрагивали герои.

Хотелось поспеть до стуж и дождей,
Пока еще ветры не налетели,
И если жалели кого —
Лошадей,
Одних лошадей, не себя жалели.

Узлы на ладонях,
Вихры в пыли.
Заказ фронтовой и жизнь фронтовая.
И все им казалось:
Они прошли
С бойцами от Волги и до Дуная.

27

На селе, когда Алену
В председатели избрали,
Старики недоуменно
Головами покачали.

Ну, а женщины шутили,
Мол, своя рука в правленье,
Значит, женской половине
Полагается отныне
В каждом деле послабленье.

Шум отец Алены поднял:
— Посудите сами, люди,
У кого же мы сегодня
В подчиненье полном будем?

Это ж светопреставленье! —
И при всем честном народе
Тут же подал заявленье,
Что от дел мирских уходит.

Лучше, дескать, пчеловодом
Поживу в лесной избушке,
Чтобы дочь перед народом
Не взяла на побегушки.

Говорит, а сам гордится —
Видят все! —
Своей Аленой.
Видят все: отец боится,
Как бы ей не осрамиться —
Бабы все же несмышлены.

Подписали назначенье.
Миновало два-три года,
Стал давать колхозный пчельник
Тысяч тридцать пять дохода.

Стариком колхоз хвалился.
Он смеялся в разговоре,
Что ж, мол, в дочку уродился,
Не подвел,
Не опозорил.

Состоять в родстве с такою
Нелегко,
Но — честь, не скрою.

Об одном он убивался,
Что вдовой живет.
Ведь ясно:
Муж погиб — не затерялся,
Но молодка не согласна.

Все не верит, хоть писали,
Что свидетелями были,
Только глаз не закрывали,
Только не похоронили.

Тосковать напрасно — мука.
И старик на том уперся,
Что ему бы — внучку, внука
Чтобы род не перевелся.

Да один ли он боялся,
Что вдовой живет Алена.
Как бы кто не подобрался
К ней, известной, из района.

Мало ль всяких есть знакомых,
Увезут еще из дому,
Поминай тогда, как звали...

Старики еще держали
На счету соображенье
И артельного порядка:
Из другого бы селенья
Взять, как раньше, пополненье —
Рук мужских в селе нехватка.

Часто, как бы мимоходом,
Звал отец к себе Алену,
Угощу, мол, дочка, медом,
Мед добер не по сезону.

Посидим,
И путь не долог,
Старика утешь и пчелок!..

Березняк густой.
Опушка.
Вся в цветах стоит избушка.
Луговина высока,
И на ней
Пасека.

Ульи в два и в три ряда.
Ниже — омуты, вода,
Только вершу окуни́ —
Караси и окуни.

Много в зелени гнездится
Водоплавающей птицы,
Всех размеров и пород
Дичь на озере живет.

Стихнут шорохи лесные —
Оживают ивняки:
Выплывают расписные
Из укрытий
Вы́водки.

А в осинниках прибрежных,
На весь свет прославлена,
Жир нагуливает нежный
Прочая фауна.

Здесь среди цветов и пчел
Жизнь отец Алены вел.
Для него тут — рыбный стол,
Сходит в лес —
Грибов подол,
В рыболовстве и в охоте
Всех соседей превзошел

На двуколке из села
Прибыла к отцу Алена.
Посмотрела вдаль со склона —
Ахнула
И замерла:
— До чего же даль светла!

Называем что-то раем,
Где живем — не понимаем:
Тут счастливей во сто раз.
Плохо там, где нету нас!

В солнце каждая иголка,
Каждый листик и цветок. . .

— Дочь! Надолго ль?
— Не надолго,
На часок, не на денек.

Подержались за руки
И пошли сторонкой.
Улыбалась Фомина,
Ей казалось, что она
Снова стала маленькой,
Прежнею Оленкой.

Вот сорваться и вприпрыжку
С ветерком вперегонки
Мчаться берегом реки
И дразнить, кричать мальчишкам:
— Догоняйте, му-жи-ки!

Или с прежним увлеченьем
Собирать в лугах щавель...

Обошли колхозный пчельник
И уселись на траве.

— Поддержал, отец, уважил,
Не ударил в грязь лицом
Весь колхоз,
Старухи даже
Стали звать тебя отцом.

Он сказал:
— Служу народу! —
Рассмеялся, закурил. —
Нынче мне твои бы годы
Не такое б натворил.

У соснового ствола
Речь негромкая текла.
Словно слушая беседу,
Над отцом вилась пчела.

— Прозябаешь, дочка, зря,
Не пора ль остепениться?
Время заново «жениться»
Да родить богатыря.

И колхозу бы подмога,
Да и я б не горевал.
Оженись, побойся бога!
— Аль приемка подыскал?

— Для тебя хоть отбавляй,
Только ты согласье дай.

— Ну, коли отец за свата,
Мне судьбы не миновать.
Только ладно ли «женатых»
Снова замуж выдавать?

Не случилось бы заминки?
Не осудит ли народ?
Мужа жду...
— Ты справь поминки,
Сердце-то и отойдет.

Слов последних и пчела,
Видно, не перенесла,
Пыль с сосновой ветки сдула —
Над отцом давно вилась, —
Присмотрелась,
Развернулась
И в лицо ему впилась.

Дед опешил,
Деду лихо,
А Алена — хохотать:
— Сватье бабе Бабарихе
Довелось ответ держать!

Но отец не растерялся,
Видит, замысел сорвался,
Срочно курс решил менять,
Вслед за ней расхохотался:
— Верно, дочка, надо ждать!
Я готов осаду снять,
Не на ту, видать, нарвался.

Ветерок у самых ног
Сена клок
Проволок,

Поиграл, как со струной,
С кожурой берéстяной.

На осиновый сучок
Забрался бурундучок,
На Алену посмотрел,
Словно что сказать хотел.

И ее как осенило:
«Вот Козлову уголок!
Впрямь — хотя б на малый срок.
И спокойно, и по силам.
Здесь бы он подумать мог...»

Нé о нем одном печется,
Но не польза и ему,
Если снова не привьется
К делу, к месту своему.

Мало только поддержать,
Надо руки приложить,
Чтоб не вздумал убежать,
Чтобы стал, как люди, жить.

Дочь спросила старика:
— Может, дать, отец, дружка?
Добывали б мед на пару,
Спали б в зелени густой.
Человек он не простой,
Но хороший парень.

—Так! — сказал отец сурово. —
Понимаю все как есть.
Легкой жизни для Козлова
Ищешь?
Нету легкой здесь!

Загляни в мою контору —
Сколько там ученых книг,
Посмотри, какую гору
Их осилил твой старик.

Обижаешь:
Пчеловодство
Не забава для ребят,

Не курорт
(Отсталый взгляд!) —
Пчелы тоже руководства
Настоящего хотят.

28

Лось зашел с коровами в село,
Сразу стало маленьким село.

С выгона к тесовому закуту
Он шагал по улице прямой
Медленно
И так легко, как будто
Не касался неба головой.

Не было в деревне никого.
Николай Козлов, цыгарку бросив,
С палкой кинулся бежать за лосем,
Словно взять живым хотел его.

Много зверя всякого в войну
Северные дебри приютили.
Днем медведи к избам подходили,
Волки нарушали тишину.

Услыхав людской истошный крик
Полоснул сохач рогами небо
И исчез, как появился, вмиг:
Был он или не был?

Может, метров десяти
Добежать Козлов не смог,
Опустился на песок:
Как бы дух перевести!

И откуда ни возьмись,
Фомина к нему подсела:
— Покажи, поймал, кажись,
Молодец, хвалю за смелость!

Он обрадовался ей,
Потерял совсем дыханье,
Словно вспомнилось свиданье
Из совсем далеких дней.

Словно не было обид.
Руку сжал ей:
— Ну и вечер!
Ну и случай! — говорит.
И обнял ее за плечи.

— Нет другой такой земли,
Где б в деревню лоси шли! —
Та его не отстранила,
Только чуть глаза скосила:
— Уж и ты не сватать ли?

— Ну, куда там! — и Козлов
Отвернулся от Алены: —
От ответственных трудов
Мне ни сна, ни угомону.

Загрузила, спасу нет... —
Фомина ему в ответ:
— Не твоя ль была охота?
Выбирал — куда смотрел?
Вот горенья нету что-то...

— В сторожах, да чтоб горел,
Это все же не работа!

— Стало быть, затосковал
О большой работе? Дело!
— Да, по правде, ждать устал,
Чтобы кто работу дал.
— Я того лишь и хотела.

Надо б с этого начать! —
И она ему призналась,
Что на пасеку сослать
Собиралась.
— Ошибалась!

Ну, давай поговорим:
Что желаешь взять на выбор,
По порядку, — либо, либо... —
Но Козлов —
Да что же с ним? —
Как и прежде, ей:
— Спасибо!

Мне еще лечиться след
Грязями, электросветом.
Тут, насколько знаю, нет
Процедурных кабинетов.

— Будем, Коля, все иметь.
— Вот как! .. Что-то я не вижу.
— Ты к народу стань поближе,
Видеть надобно уметь.

Будет, Коля, свой курорт!
Помнишь Хвойные Деляны?
Бор сосновый,
Пляж песчаный,
Речка...
Место — первый сорт.

Скажем, кончили страду,
Первым делом — в санаторий.
Тут тебе и мед, и море,
Виноград в своем саду.

Нету солнца в декабре —
Кварц прими,
Лечись рентгеном.
Ванна, душ — попеременно,
Все, как в «Красном октябре».

— Про «Октябрь» и я не раз
Слышал. Сел таких немного.
Это вроде напоказ...
— Напоказ? Побойся бога.
Это есть везде сейчас,
Будет скоро и у нас,
Ведь одна у всех дорога.

Только верь — и доживешь,
Да работы не гнушайся.
Все осилим!
Ну, решайся,
На какой объект пойдешь?

— На объект? Ты все о том.
Лучше я пойду в райком,
Пусть в другой колхоз направят,
С делом кто, как я, знаком?
— Назначать райком не вправе.
— Значит, хочешь жить заставить
Под своим под сапогом?

Спорь с ним хоть до хрипоты...
— Коля, Коля!
Был бы ты
В партии — любые дали
Сразу б с этой высоты
Для тебя яснее стали.

Фомина вздохнула, встала,
Повернулась и ушла —
Как была и не была.
А уже и ночь настала.

А Козлов с земли не встал.
Стало вдруг обидно, жалко,
Что уже отвоевал...
На ладони поплевал —
И сломал
Палку.

«В какой стране теперь бои?
Куда писать друзьям?
А не распить ли мне свои
Законные сто грамм?!»

29

Костыли скрипят не в ногу.
Эх, и выпили!
Из телеги на дорогу
Вместе выпали.

Пьяным море по колено.
Что вселенная?!
Только свита у военных
Не военная.

Семенит с Никитой в паре
Что-то тертое —
То ли баба,
То ли парень?
Желтомордое.

Есть такие и доселе
В селах там и тут —
Бобылями, не в артелях,
Не с людьми живут.

Мы поля преображали,
Расчищали лес,
А они себе искали
Потеплее мест.

Молчаливы, плутоваты,
Что ни парень — жох,
Этот желтый, угреватый
Из таких пройдох.

Не урод и не калека,
Но в войну прослыл
За больного человека,
Лез подальше в тыл.

Как-то песню про безногих
Спел он для Седых,
Мол, особые дороги
На земле у них.

Он для скупок и для сбыта
Щели находил,
На толчок с собой Никиту
В город уводил.

А теперь вокруг Козлова
Начинал кружить:
Завести б дружка такого —
Кладовщик ведь! —
Вот толково
Можно было б жить.

Пили с вечера
И до вечера.
Своего изделья зелье —
Жалеть нечего.

Пили в бане и в избе,
У Никиты в пóгребе.
Днем Козлов, оставшись дома,
Пригласил гостей к себе.

Заскрипели половицы.
Распахнули настежь дверь.
Парню молча не сидится:
— Кабы нам по заграницам
Погулять, друзья, теперь!

Вот где жизнь,
Эх, и жизнь!
Через весь базар — кабак...

А потом передрались.
Дело было так:

На солдатскую гулянку
Принесли гармонь-тальянку,
В зеркалах — живой огонь.
Желтомордый в пляс пустился,
К потолку подняв ладонь.

«Председательшу свою
Из-за речки узнаю.
Юбка шибко длинная,
Походка журавлиная».

«Николай, Николай,
Бабам воли не давай
Бабы волю заберут,
Николая засмеют».

Он плясал и припевал,
За живое задевал.
Николай стакан поставил
И прислушиваться стал.

«Не Германия страшна.
Не чужая сторона...»

Николай привстал со стула:
— Что ты мелешь, сатана?

Много пито — все забыто?
А за что ж я воевал?
А за что Седых Никита
Свою ногу потерял?!

Но плясун уже не слушал,
Хмель запел — не одолеть.
У Козлова стали уши
Багроветь.

«Как же это:
О своем —
И такое слово?
То мы головы кладем,
То, махнув на все, поем
С языка чужого.

О своем, о дорогом. . .
Иль мы все забыли?
Иль не справились с врагом,
Немцев не побили?!

И в своем ли я дому?
Что мы тут справляем?
Люди в поле,
Почему
Мы одни гуляем? . .»

Громыхнув тяжелым стулом,
Николай вскочил рывком
И давай по желтым скулам
Бить наотмашь кулаком

— Что ты мелешь, сатана!
Не война тебе страшна? . . —
Жалко, нету старой силы,
Раздавил бы плясуна!

— Чью ты жизнь хаешь?
С кем сидишь — знаешь?

Русский ты иль иностранец —
Что ты понимаешь?

И опять — сразмаху,
Аж порвал рубаху,
Кулаком, что колом...

Всполошились за столом.

Прибежал на шум народ.
Из конторы счетовод,
Стайкой девочки слетелись
Под рябиной у ворот.

Жницы с поля идут:
— Что за гам?
Самосуд?.. —
Счетовод им разъясняет:
— Там солдаты бой ведут!

Парень скрылся.
И в артели
Водворилась тишина.
Отдышавшись еле-еле
(Грудь, плечо, рука болели),
Сел Козлов у окна.

Поглядел на мокрый стол,
По лицу рукой провел
И сказал, как пробуждаясь:
— До чего же я дошел?..

Словно голову угаром
Обнесло — попал в беду,
Лишь не езжу по базарам
Да торговли не веду...

С кем гулял?
Кого пригрел?
Да куда же я смотрел!..

Боевой солдатский орден
На груди его краснел.

30

Поздним вечером с гумна
Воротилася жена.
Бабьих слез,
Плаксивых слов
По привычке ждал Козлов.

Дуня избу подмела,
Ужин мужу подала
Да спросила:
— Как дела?
Жив? —
И все,
И спать легла.

Хоть бы выругала, что ли,
Дверью б хлопнула хоть раз
Он скривился, как от боли,
На еду не поднял глаз.

Сын пришел — уже темно
Не спеша закрыл окно,
Свет зажег
И съел, что было
Для отца поста́влено.

От него ни слез, ни слов
Никаких не ждал Козлов
Но малец набрался сил
И, краснея, забасил:

— Тятя, ты имей в виду,
Все с Никитой не в ладу,
А мы с мамой у артели
Не последние в ряду.

Фомина тебя ждала,
Хорошо колхоз вела,
А тебе, вишь, все не к спеху,
Хочешь свертывать дела.

Не горит, да подождет...
Тятя, так тебя народ
В председатели колхоза
Никогда не изберет.

Ты бы маму не срамил
И меня не подводил!..—
А мальчишеский румянец
И при лампе виден был.

Трудно было удержаться,
И Козлов сынка обнял.
Вот и думай — парень мал!
Обижаться иль смеяться
Над Васюткой — сам не знал.

А потом Козлов сказал:

— Ладно, я не подведу,
Только ты имей в виду,
Дом покину — а не буду
У тебя на поводу.
Признавать отца не станешь —
Я в другой колхоз уйду.

А с Аленой было хуже —
Ворвалась, а не вошла,
Ничего не поняла
И кричала, как на мужа,
Чуть за горло не брала:

— Ты мне воду не мути
И народ не баламуть.
Хочешь из дому уйти?
Уходи, счастливый путь.

Свой колхоз тебе пустяк?
Скатертью дорога.
А у нас тут и без драк
Дела много.

31

И Яков Розанов пришел.
Он весь в пыли мучной.

Уселся не спеша за стол,
О том, о сем беседу вел
О службе фронтовой,

О дружбе, что была крепка,
Закалена огнем.
Вел разговор издалека
О боевых путях полка
И о себе самом.

Все будто о себе самом...
Взгрустнулось, может быть,
А в этом случае вдвоем
Приятно покурить,

Поговорить,
Подумать вслух...
Козлов сидел, молчал.
И Розанов один за двух
О жизни размышлял.

Война! — и вспомнишь стон и кровь,
Огонь — весь мир в огне,
И трупами забитый ров...
Ужель хоть раз хороших слов
Не скажешь о войне?

В землянках жили мы не год.
Землянка — не изба:
Песчаный пол,
Не дверь, а «ход»,
Не печь — «времянка»,
Кольца вьет
Горыныч-змей — труба.

Пусть не изба — низка, темна! —
А все бойцу порой
Казалась горенкой она,
Когда из вылазки ночной
Один, усталый допьяна,
Он приходил «домой».

Был чайник со свистком в рожке —
Свистел, как закипит.
Бойцы, заботясь о дружке,
Чаек поставят в котелке:
Пускай дружок поспит.

Не клали в печь еловых дров —
Трещат, покою нет.
Проснется — спросят:
«Жив-здоров?»
Уже обед ему готов,
Махрой набит кисет.

Нет, с золотым шитьем погон
Дружок не нашивáл,
Шинели офицерской он
Еще не нáшивал —

Что из того?
Всему свой срок.
От мыла до вина,
От полотенца до сапог
Все шло ему сполна.

От генерала спуску нет
Начальству за бойца:
Что ест?
Тепло ль обут, одет?
Доставь бумагу, дай конверт
Ему для письмеца.

Его защитником зовут,
Везде солдату дом,
Все трубы для него поют,
И песни все о нем.

Ему поклоны всей страны —
Награды из наград...
Выходит, нет ему цены,
Хоть он простой солдат.

А положили в лазарет —
С ним нянчилась сестра.
Опять:
Как ел?
Тепло ль одет?..
Не спишь — приставит табурет,
Читает до утра.

Напиться даст,
Умыться даст
И ногти острижет.
И врач с него не сводит глаз,
От смерти бережет.

Не стала меньше на войне
Любовь к родимой стороне,
Попрежнему своя семья,
Свой дом, как вся земля.

Но думалось по простоте:
Когда война пройдет —
Заботы будут, но не те,
Весь ход работ не тот.

Он видел сотни городов,
А сел и не считал.
И верил, что на сто голов
Соседей выше стал.

В селе всех женщин, мужиков
Он знал наперечет,
А там десятки языков,
Со всей страны народ,

Со всей земли...
И вот теперь
Вернулся — и ему
Вдруг показалась узкой дверь
В своем родном дому.

Уже совсем темно в избе.
Козлов молчал, курил.
Как будто об одном себе
Товарищ говорил.

Лишь о себе самом. Ни в чем
Дружка не упрекал...
И Николай лишь о своем
Весь вечер размышлял.

«Не стала меньше на войне
Любовь к родимой стороне,
Не у́же дверь в родном дому.
Что ж не понравилось ему?!

Во всем всегда других виним.
А разве Фомина
Не дорожит им?
Разве с ним
Не нянчится она?

И ведь по совести сказать,
Коль жизнь не торопить,
Стране всех сил не отдавать —
За что же было воевать?
Зачем тогда и жить?

32

На денек — до городка —
Без худого слова,
Племенного рысака
Дали для Козлова.

Конюх Петр Сергеич сам
Ехать снарядился,
Утром битых два часа
Чистился и брился.

Что он был за человек,
Знали больше кони.
В одиночку едет — ввек
Лошади не тронет.

Волоками день и два,
Если нет народу,
Он трусит едва-едва,
Через пень-колоду.

Ну, рысцой, куда ни шло,
Только чтобы ехать.
Но покажется село —
И пойдет потеха.

Сразу вожжи подберет
Да как крикнет:
— Трогай! —
И польется, поплывет
Пыльная дорога.

Куры кинутся к плетням:
— Кто-кто-кто так скачет?! —
И несется по пятам
Лай густой собачий.

А случится пассажир,
Нужный для артели,
Ну тогда, конек, служи,
Чтоб гужи гудели.

Втихомолку горячит,
Незаметно хлещет,
Сам на все село кричит:
— Тише, сумасшедший!

Петр Сергеич знал пути
К сердцу человека:
Накорми да прокати —
Так велось от века.

А Козлов, того гляди,
Еще нужен будет...
Ну лети, рысак, лети,
Чтоб дивились люди.

Чтоб и вправду из ушей
Пламя повалило..
Николаю по душе
Уваженье было.

Все, чем жил, припоминать
По дороге начал.
А порой себя понять —
Трудная задача.

И росла, росла в груди
На себя досада:
Как на дело ни гляди, —
Жил не так, как надо.

Возвратившись в край родной,
С первой же беседы
Боком, если не спиной
Стал к своим соседям.

Он дивился: Фомина
Даже провожала.
Стало быть, ему она
Худа не желала.

Поручение дала,
Да и не простое:
Ящик-два добыть стекла
Для колхозных строек.

А ведь думает:
«Уйдет!
Свой колхоз бросает!»
Стало быть, и весь народ
Худа не желает.

У него охоты нет
Дом родной покинуть.
Но, сказать по правде, свет
Не сошелся клином!

У себя не привился.
Что ж? Колхозов много.
Весь район и область вся,
Как одна дорога.

Надо все же побывать
В городе, в райкоме,
Начистую рассказать
О себе, о доме.

Там укажут все пути,
Там поймут с полслова...
Ну лети, рысак, лети,
Успокой Козлова!

* * *

Деревянный городок
Над озерной бездной,
Сто проселочных дорог —
Нет пока железной.

Но за речкой, за бугром —
Городской аэродром,
И воздушный транспорт
Сократил пространства.

Да гудят авторожки,
Резкие, густые:
Носятся грузовики,
Есть и легковые.

Хлынет праздничный поток
Из колхозов в городок —
Нехватает площадей
Для машин и лошадей.

Мастерские эмтеэс,
Склады скобяные,
Телеграф и Пенькотрест,
Маслопром. . .
Для здешних мест
Это — индустрия!

Да растут из года в год
Льнозавод,
Лесозавод.

В водополье пароход
К городку с баржой идет.

Лампочками Ильича
Молодежь гордится.
В летнем парке по ночам —
Что тебе столица,
Хоть попрежнему леса
Подпирают небеса.

Петр Сергеич в козлы врос,
Вожжи сами взмыли —
И понес рысак, понес
За автомобилем.

33

«А за войну наш город повзрослел,
Заметно больше стало оживленье. . .»
Козлов ходил сперва по учрежденьям:
Во что бы то ни стало он хотел
Аленино исполнить порученье.

Неторопливо меж столов шагал.
Как на героя, на него смотрели,
Но разговор о деле начинал —
Не спрашивали, где он воевал,
А знать хотели:
Из какой артели.

В конторах лица оживали вдруг:
— Колхоз заметный,
Даже знаменитый,
Алену слышно на сто верст вокруг! —
Вот и пойми тут, ради чьих заслуг
Все двери были перед ним открыты!

Хоть трудно, все же на стекло наряд
Для Фоминой Алены подписали.
Козлов отправил конюха на склад.
Что дальше?
Оперся на палисад
И думал: «Не вернуться ли назад?..»
Машины проходили.
Кони ржали.

У леспромхоза словно у кино.
Слет сплавщиков.
Слышны раскаты смеха.
Идут рабочие, везут зерно,
Кому-то почту сунули в окно —
Все, все спешат!..
Зачем же он приехал?

Пошел в райком.
Там скажут, что к чему.
Но там стояла тишина немая,
Двенадцать комнат в каменном дому —
И никого.
Дежурная ему
Растолковала: мол, пора, страдна́я...

Козлов задумался:
«И здесь страда,
Деревне помогают города».

Два дня он ждал, горел как на огне.
А секретарь сновал по сельсоветам,
То на машине жил, то на коне,
То в заозерной ездил стороне,
То в заовражье,
То в заречье где-то.

Вернулся.
Сразу зашумел райком:
Опять стоят подводы у райкома,
Собранья ночью,
Заседанья днем...

И Николай подумал так о нем:
«Да, каждый дорог на посту своем,
А без хозяина и дом не дом.
Что ж я-то делаю — бегу из дома?»

В половиках крестьянских кабинет,
На стенах карты,
На столе колосья.
Железный шкаф, семь стульев, табурет,
И сноп в углу, как на дожинках «гостья» [1].
Здесь «да» есть «да».
А «нет» — убейся — «нет»!

Козлова встретил, встав из-за стола,
Сам секретарь, легко, непринужденно —
«Сам Михалев», как Фомина звала.
— Садитесь! Из какого вы села?
Ах, вы — Козлов? От Фоминой Алены?

Ну, как там жизнь на ваш на свежий взгляд?
Довольны ль женским руководством люди?..
Войну и здесь ведете, говорят?
Мы знаем парня этого, солдат,
С ним разговор особый скоро будет.
Он и Седых Никиту с толку сбил... —
И Михалев, нахмурясь, закурил.

---

[1] «Гостьей» называется последний сноп, который торжественно приносят с поля в день дожинок и ставят надолго в конторе правления колхоза.

Он как-то сразу так заговорил
Тепло и просто
И как равный с равным:
Как жизнь идет? Где он сегодня был? —
Что Николай Козлов совсем забыл,
Зачем пришел,
О чем шумел недавно.

Хозяин, видно, втайне тосковал,
Что раньше времени отвоевал
И не в боях теперь седеет волос.
Спросил Козлова, где он наступал,
А сам в ладонях колос растирал...
Сидели, говорили вполуголос

О минах, об «эресах»[1], их огне,
О танковых боях и переходах,
О напряженье трудовом в стране —
«Район стал хлеба поставлять вдвойне!..»
«Не помешала жатве и погода!..»

Как близкие сидели.
Ничего
Хозяин словно б не сказал такого —
Выслушивал, разглядывал его, —
А отлегло от сердца у Козлова.

Он словно жизнь яснее видеть стал
И больше сил почуял за плечами,
В своих глазах заметно вырастал,
И мелочи вдруг стали мелочами.

— Так, говоришь, на месте Фомина? —
Козлов ответил:
— Говорю по чести,
Для должности такой и создана,
До склона лет ей быть на этом месте.

Тут Михалев не согласился с ним:
— Мы об Алене думаем иначе,
И если ей условья создадим,
С любою может справиться задачей.

---

[1] Реактивные снаряды.

Слыхал, что делает:
Еще война,
Едва войти в Германию успели,
Мы намекнули только — и она
Уже взялась, корпит, не зная сна,
Над пятилетним планом для артели.

Ты кем работаешь теперь?
— Да так...
Зав продуктовой кладовой покуда...

— И только-то! Не по тебе, земляк.
Хвалить за это Фомину не буду.
Не по-хозяйски... Это не пустяк...
Таких, как ты, нельзя держать под спудом.

Иль, может, выбрал сам? —
Козлов сейчас
Секретарю не захотел признаться.
А у того вдруг начали смеяться,
Растягиваться лучики у глаз.
— Ну, говори, что для конца припас,
Наверно, в город хочешь перебраться?

И уж улыбка по всему лицу,
Как будто зайчик солнечный, играла.
Тогда-то и представилось бойцу,
Что здесь он — как бы в штабе генерала:

Тут не простой район — укрепрайон,
Вокруг пехота, а не «населенье»,
Что, в лазарете подлечившись, он
Пришел сюда за новым назначеньем,
Быть может, в новый сводный батальон.

— В другой колхоз пошлете?
— Не пошлем!
Да разве там особые законы?
Теперь везде, брат, есть свои Алены.
Желаешь, перечислю поименно?
А ты стоял бы лучше на своем.

Уж больно скоро начал отступать,
Нехорошо!

Не по-солдатски вроде.
Нет, ты борись и первым стань опять,
Учись, читай и — как тебе сказать? —
Не о себе заботься — о народе.

За все берись, чтоб в колос труд пошел,
Работа никакая не зазорна,
Все — для Отчизны,
Все — в один котел,
К большому хлебу колоски да зерна.

Учиться скоро Фомину пошлем.
Там поглядим... ты заходи в райком.
Так возражаешь или нет?..
Ну, рад!
Да и нельзя иначе: ты — солдат.

Иль уговаривать еще?
— Да нет, —
Сказал Козлов, — деревня-то родная...
— Так, брат! Село теперь — передовая
На нашем фронте,
И на много лет.

Там надо быть!
А раз пришел в райком,
Давай столкуемся еще о том, —
Мы здесь с тобою, как в армейской части, —
Не забывай отныне об одном:
В бою, в колхозе, в городе ль каком
Ты, с орденом, — актив советской власти.

34

За стеклами за синими
Дорога в лунном инее.
Уже и полночь близко,
«Освободите линию!» —
Кричит телефонистка.

«Освободите линию!» —
А голос всем знакомый.
И в Липове, в Осинове,

В Скачкове и в Малинове
Освобождают линию
Секретарю райкома.

— Алена Николаевна?
Да! Был твой подопечный,
Сидели целый вечер...
Менять сейчас хозяина —
Не может быть и речи...

Но ты перехватила.
Сплеча, видать, рубила?
Конечно, самолюбия
Его не пощадила.

Мое все то же мнение:
Ввести его в правление
И посмотреть, что будет.
А там народ рассудит.

Нет, зря солдат не плачется.
Такой еще прославится.
Инспектором по качеству
Поставь:
Захочет — справится.

— Да я б его назначила —
Бери любое дело! —
Но сладить не сумела.
А так с любой задачей он
Справляться может смело.
Он человек толковый...

Гудит полночный провод.
Гудит,
И как-то вышло —
Вздохнула вдруг Алена,
Да так, что было слышно
Во всех концах района.

Вздохнула — и ни слова.
И этот вздох отчаянный
Встревожил Михалева:
— О чем ты, Николаевна?

О чем?..
Народ воротится,
Тогда расправим плечи.
В селе своя сколотится
Партгруппа — будет легче.

О чем?
И муж объявится,
Придет живым-здоровым.
Все будет, как желается,
Попомни мое слово.

Что сталось с Фоминою,
Она сама не знала.
К стене припав спиною,
Сильнее трубку сжала.
— О чем вы? — закричала. —

На что вы намекаете?
Иль что-то, верно, знаете?
О чем вы говорите?
Скажите, не томите!

Но Михалев Алене
Ни слова в добавленье.
И снова в телефоне
Далекое гуденье.

Алена без движения
Сидела да гадала:
«Быть может, в утешение,
Без всякого значения,
Слова свои сказал он?

Иль это что-то значит?..»
Потом рывком вскочила:
— А говорят — не плачу... —
И слезы осушила.

35

Дождь зарядил. Погода холодна.
Но не стихает на селе работа:
Народ пошел на теребленье льна,
Под крышею запольного гумна
Усилилась горячка обмолота.

Давно на пожнях ни цветов, ни пчел...
В дороге дождь не пощадил Козлова.
Когда он на дом к Фоминой пришел,
Вода с него лилась, как с водяного.

В избе на стенке желтый телефон,
Точь-в-точь скворечник, если снимешь трубку.
На председательше заметил он
Не сарафан, а городскую юбку.

— Колхоз-то наш, — сказал он, — на виду,
Известен всем, не одному райкому.
Ну вот, Алена, был я в городу
И никуда из дому не пойду.
Все ж кладовую передай другому.

— Головомойку, что ли, получил? —
Его Алена Фомина спросила. —
Я за тебя, брат, тоже получила.
— Да, получил иль нет, в райкоме был.
Сходить туда давно бы надо было.

А знаешь, что мне Михалев сказал? —
И Николай с хитринкой улыбнулся. —
Чтоб я, солдат, перед тобой тянулся,
Мол, Фомина — такой же генерал.

Но только бесхозяйственно, как хошь,
Таких людей, как я, держать под спудом.
— Инспектором по качеству пойдешь? —
Его спросила Фомина.
— А что ж?
Пост боевой. Работать вместе будем.

Ах, как обрадовалась Фомина!
Высокая и крепкая, она
Сняла косынку —
И коса слетела,
Рассыпалась вкруг плеч, расплетена.
Она заговорила, как запела:
— У нас порода, Коленька, одна,
Я знала, сам не сможешь жить без дела.

Да и нельзя:
Мы нынче на виду,
Не зря же выдали тебе награду.
С народом, Коля, надо жить в ладу,
Не так наградой величаться надо.

И нас напрасно начал поносить:
Деревня за войну не поглупела,
Я, к слову, с год на курсах отсидела.
— Да, в платьях стала городских ходить...
— Сам понимаешь, что не в платьях дело.

Козлов, окно загородив спиной,
Сел у стола и слушал:
Над деревней
Дождь бушевал надсадный, проливной.
А в сердце тихо, —
Голос Фоминой
Звучал все горячей, все задушевней

О близких, о знакомых на войне:
Кто на побывку выезжал, кто не был,
Кто жив, кто нет,
И, как о старине, —
О самом светлом предвоенном дне,
И, наконец, о молотьбе, о хлебе.

— Как быть с Никитою Седых? Давай
Решим, загинет человек напрасно... —
Козлов сказал:
— Ты мне его отдай,
Я по-солдатски с ним...
— Ну, что ж, согласна!

— Сначала желтомордого прогнать,
Чтобы и духу не было, — подале,
А уж Седых сумею обломать,
В том Михалев мне будет помогать,
С ним города недаром вместе брали.

А там до руководства доберусь.
Не уступлю! Не на того напали!
У бабы вот немного подучусь...
— Согласна! —
И они захохотали.

36

Беспросыпу льют дожди —
Злые, окаянные,
Хоть из дому не ходи,
Прямо наказание.

Но победные идут
С фронта сообщения.
И с утра их люди ждут,
Стоя у правления.

Комсомольское ведет
Лыкова собрание.
Чуть не весь сидит народ,
Затаив дыхание.

Что им нового сказать?
И она решается
Письма милого читать —
То, что всех касается.

Сообщает в письмах он,
Что сбылось желание.
«Передай друзьям поклон,
Мы уже в Германии!»

А про стужу ни словца,
Словно там и нет ее.
Иль настало для бойца
Снова время летнее?

Пишет только:
«Жив-здоров,
И уже в Германии.
У немецких городов
Трудные названия.

Где-то брат больной лежит? —
В Луге парня ранили.
Если дома, доложи:
Мы уже в Германии!

Тяжело, но пусть сосед
Знает: сына больше нет.
Выполнив задание,
Он погиб в расцвете лет,
Но вошел в Германию.

Коль в селе сироты есть —
В целях воспитания
Растолкуй им эту весть:
Мы уже в Германии!

Мы уже в Германии,
И пишу заранее:
Нынче можешь, дорогая,
Думать о свидании. . .»

А народ глядит в окно:
Словно нет дождя давно,
Вся земля в сиянии,
Словно с ними заодно
Вся земля твердит одно:
— Мы уже в Германии!

37

Колхозная контора
Просторна и светла.
Чернильные узоры
По всем краям стола.

В витринах все, как было,
Но вдоль одной стены
Алена разместила
Рядком героев тыла
С героями войны.

Под фото строчки ярки:
Кому за что почет.
Тут конюх и доярки,
Кузнец и счетовод.

О Лыковой Марии
Газетная статья.

В овалах звеньевые,
Васютка и другие.
Все люди не чужие —
Своя семья.

Один вопрос в повестке,
Зато какой вопрос!
И нехватало места —
Сходился весь колхоз.

Дымились папироски,
Шипели самокрутки.
Торжественно подростки
Толпились вкруг Васютки.

А он, пригнувшись ниже,
Все лез и лез в дыму,
Насколько можно ближе,
К портрету своему.

Пока не начат сход,
Откинув в угол счеты,
Свои с Козловым счеты
Сводил счетовод.

— На фронте жизнь тяжелая, —
Он говорил, — бои!
Вы в битвах клали головы.
Но вы-то сами — чьи?

Фашисты обездолили
И мой семейный кров.
Вы крови много пролили,
Так это ж наша кровь!

Вы там прошли Германию,
Мы тут не подвели:
Трудом, соревнованием,
Сноровкой да старанием
Все страны превзошли.

За труд крестьянский Родина
Сторицею воздаст.
Пусть кто еще без ордена —
Так не дошел указ.

А страхи там... пожарища...
Всего не знали тут,
Но...
— Тише вы, товарищи!
Сейчас начнут.

* * *

Все селенье было в сборе.
Секретарь райкома сам
Обещал подъехать вскоре —
Ожидали по часам.

Место каждому по чину
За столом отведено.
Михалеву в середину
Было сесть предло̀жено.

Он, раскланявшись со всеми,
Сел в сторонке,
Не за стол.
— Начинать бы надо — время! —
По рядам шумок прошел.

У Алены все готово:
Избу взглядом обвела,
Просмотрела папки снова,
Все «таблицы» и «дела».
— Председатель, ваше слово! —
И Алена начала.

— Мы составили правленьем
План на пять годов вперед —
На твое теперь, народ,
Предлагаем усмотренье.

Первый пункт ее доклада —
Хлеб.
«...Поля теснит тайга.
Площадь их расширить надо
За пять лет на тридцать га.

Мы должны заполнить хлебом
Элеваторы страны.
Манны ждать не будем с неба,
Раскорчуем новины.

Раскорчуем, унавозим. . .»
Пункт второй — рабочий скот.
«. . .От кого скрывать: в колхозе
Лошадей недостает. . .»

Молоко и масло — третий.
«. . .То о нас шумит молва:
Лучше нет на целом свете
Масла вологодского.

Мы не делаем погоду,
Но и мы за пять годов
Раздоим своих коров;
Холмогорскую породу
Доведем до ста голов».

Пункт четвертый — парк машинный. . .
И пошла, пошла, пошла. . .
Деготь — промысел старинный,
Кружева, горшки, корзины, —
Что за дом без ремесла! . .
«. . .Нынче есть гидротурбины
Специально для села.

Победителям без света,
Прямо скажем, ходу нет.
Поднажмем — так за два лета
Ток дадим —
И будет свет!

Пункт еще немаловажный —
О культуре.
Прямо стыд:
Все еще в избе не в каждой
Репродуктор говорит.

Узел есть, а мало точек,
Виновата молодежь,
Передачи дни и ночи
Из Москвы —
И, между прочим,
Пропадают ни за грош. . .»

Николай сидел в углу
За холодною печуркой,
Жег махорку —
И окурки
Клал к порогу под метлу.

Вряд ли он когда хоть раз
Так еще доклады слушал:
Цифры радовали душу,
Принимались, как приказ.

И усталости не стало,
Все понятно — что к чему,
В сердце словно рассветало. . .
Вот чего недоставало
В эти месяцы ему!

Вот за что велась война,
Вот чего желают люди!
В плане все дано сполна,
Все, к чему рвалась страна.
А записано — так будет.

В плане три десятка лет
Нашей славы и работы,
До Берлина путь побед,
Марши танков и пехоты. . .

Фомина и Киря, дед,
До чего же оба правы:
Медлить нам расчета нет,
Не дано такого права.

Сев, уборка,
Снова сев. . .
Нет, ты людям ставь задачи,
Чтобы больше, больше значил
Каждый будний день для всех!

— Кто желает слово взять? —
Счетовод привстал:
— Желаю! —
Кто-то охнул:

— Дед опять!
Молодым бы дал сказать!
— Чтобы я да стал молчать,
Нет, скажу, что знаю.

Да и мне не двести лет,
Отчитаю любо-мило.
План, по-моему, по силам,
По душе!
— Устанешь, дед!

— Может статься, и устану,
Только ног не волочу,
Хоть и стар
Коли по плану
Я еще работать стану —
Умирать не захочу.

Я по плану жить привык,
Без него нельзя подняться...

Тут и Розанов сдержаться
Не сумел:
— Ты прав, старик!
Точно так же и в бою:
Дайте только направленье,
Чтоб любое отделенье
Знало линию свою,
А уж мы не подведем.

— Хорошо, сынок!
Дойдем!

Не садится счетовод:
— Я еще сказать желаю
Про свою про власть — что знаю:
Как она ведет народ.

Верит в наши силы власть.
Ведь кругом работы — страсть,
В деревнях и в городах
Круглый год идет страда.
И какая все работа!

Сам учись,
Других учи...
Старику ж подчас охота
Поваляться на печи.

Ну, а власть возьмет и скажет:
«Ты устал,
Но видишь вот...» —
И такую даль покажет,
Что аж сердце запоет.

Уважает нас она,
Верит: сдюжим, все распашем...
Потому, что правильна,
Потому, что наша!

Тут Козлов сказал Алене:
— Надо так вести дела,
Чтобы не было в районе
Лучше нашего села.

Михалев ему заметил:
— Так должно вести дела,
Чтобы вашего села
Лучше не было на свете;

Чтоб счастливей и красивей
Было с каждым днем оно —
Все для этого дано:
Что другим народам в диво,
То у нас заведено.

Сколько раньше ради нас
Гибло смелых, лучших самых.
Тюрьмы... ссылки...
Если б Маркс
Видел этот сход сейчас!..
Если б Ленин побыл с нами!..

Мы Отчизну отстояли,
Новым битвам срок настал,
Так держитесь стар и мал,
Чтобы сам товарищ Сталин
Нас в лицо любого знал.

Говорили кто о чем,
У кого что наболело,
Надо брать большое дело
По-артельному — плечом

Кузнецу подай гвоздей,
О другом и речи нету.
— К лету ставьте также в смету
Перековку лошадей!

Комсомольцы всех подряд
Звали на соревнованье.
— Только б с вечера заданье
Доводили до бригад!

Маня Лыкова рывком
От девчат к столу шагнула
И косынкой, как флажком,
Чтобы шум утих, взмахнула:

— Хлеба будет через край.
Но сказать пора настала:
Одного богатства мало,
Книгу нам теперь подай.

Сын Козлова тоже встал,
Комсомольцев поддержал:

— О подростках книг нехватка,
Показать бы нас должны.
Не пора ль призвать к порядку
Всех писателей страны?!.

Фомина Алена снова
Поднялась, —
Затих народ.
Заключительное слово —
Словно песня,
Как полет.

Будто стены у избы,
У колхозного правленья
Распахнулись на мгновенье,
И под небом голубым

Вот она — Россия вся —
Север, юг, восток, — смотрите!
И везде советский житель,
Храбрый воин, победитель
За работу принялся.

Сталь на всех широтах льют...
Степи с лесополосами
Поражают чудесами:
С га по десять тонн дают.

Тракторов не перечесть.
Самоходные комбайны
По полям плывут бескрайним.
Тут и наша слава есть!

Надо — реки вспять текут,
Солнце, ветер — вся природа
В услуженье у народа.
Тут и наш, сельчане, труд!

Размахнулись — не сдержать.
К нам из разных стран соседи
Поучиться жизни едут,
Правду нашу перенять.

Говорит Алена — и
Видит:
Все моложе стали,
Распрямлялись, поднимали
Выше головы свои.

А изба уже летела
Над Уралом,
Над Москвой,
И не виделось предела
Радости людской.

38

Средь многих писем из сельсовета
Одно Фомина со страхом взяла.
Обычно расклеивала конверты,
А этот
Разорвала.

Прочла, огляделась, перечитала,
К окну подошла,
Еще раз прочла.
«Живой! . .»
А ведь ждать почти перестала.
«Живой! . .»
Нет, до самой смерти б ждала!

Хотела звонить Михалеву: «Едет!»
Хотела сейчас же созвать соседей. . .
Сдержалась.
Но дверь распахнулась сама.
Какое село!
Какие дома!

А солнца, солнца сколько на свете.
Раскинуть руки и полететь!
Она бежала, как бегают дети,
Когда им радость некуда деть,

Бежала, наскоро сняв ботинки,
Босая, как в юности, налегке,
По склону зеленому, по тропинке.
По стежке-дорожке
К воде,
К реке!

В березняке столкнулась с березкой,
Стряхнула с ветвей остатки дождя.
И вот уже в поле, за перекрестком,
Дыхание еле переводя,

Свернула в сторонку, в кусты густые,
И в первую зелень, как в забытье,
Упала.
Смешались цветы полевые
С цветами на сарафане ее.

* * *

Весной все запахи — с полей,
Все ветры — на полях,
Земля теплей,
Заря светлей,
Живей вода в ручьях.

Сиянье радуг по росе —
Во всей своей красе.
Весной машины,
Люди все —
С утра на полосе.

* * *

Не до сна, когда весна, —
И Алена Фомина
До единого зерна
Проверяла семена.

Удивлялся ей народ
И в артели
И окрест:
«Где и силушку берет?
Когда спит?
Когда ест?»

А когда пришла пора
Сеять,
Так же всем на диво
Фомина сварила пиво
Не одно, не два ведра.

Из райкома Михалев
Подъезжает утром ранним.
— Что у вас за ликованье? —
Но в ответ молчат селяне, —
Не добился и трех слов.

Да зачем ему ответ?
Знает все,
Хоть смотрит строго:
— Сеять начали иль нет?
Я приехал дать совет:
Для начала хоть немного,

Хоть заречный уголок
Вперекрест засеять надо,
Испытать. . .

Алена рада
Сделать все, и сделать в срок.

Все!..
И тут же весь народ
Нá вечер к себе зовет:
Обо всем, мол, вечерком
Сговоримся за пивком.
(Не о свадьбе ль речь идет?)

У самой глаза горят,
Праздничен ее наряд.
Что-то женщина скрывает
Но глаза не говорят.

«Вперекрест так вперекрест!
И за то поднимем тост...»
Дескать, пиво надо пить,
Чтобы засухе не быть.

Приглашает Михалева:
— Не обидьте! Я — как дочь...—
Приглашает и Козлова,
Николай притти непрочь.

Сбила с толку всех...
Но вот
По селу упряжка скачет.
Тут как ахнет весь народ:
— Муж Алены, не иначе!

И бывают же порой
Чудеса на свете белом!
Столько лет — и вот он, целый...
Партизанил...
Жив...
Герой!

— А *Звезда* идет к нему...
— Пир на все село устроим!
— Ну, теперь и мы с Героем,
Не уступим никому.

Словно ветром понесло
Ребятишек по дороге,
Вслед за ними понемногу
Потянулось все село.

Петр ступил одной ногой
В желтый слой дорожной пыли
Не успел ступить другой,
Как его
обступили.
Оторвали от земли,
Подхватили,
Понесли.

— Петр! .. Петруша! .. Петя! .. Петя! .. —
Каждый трогает рукой.
— Уж не чаяли, что встретим,
Ну, а ты — смотри какой!

Черноусый да высокий,
По рукам Фомин ходил.
Молодой, каким и был,
Хоть бородку отпустил,
Не побриты даже щеки.

— Уж такого молодца
Нет другого в целом свете.
— Петька-чорт! .. Петруша! .. Петя! .. —
И целуют без конца.

А Аленушка, Аленка,
Затаясь, стоит в сторонке,
Только улыбается.
Вся как будто светится.
Словно бы красавица
Заново невестится.

Мать, старушка Фомина,
Загодя извещена,
Так же рядом с нею жалась,
Незаметна,
Невидна.

Постояли в стороне,
Повздыхали
И взмолились:
— Дайте ж нам!
Дайте мне! —
И соседи расступились.

Мать к сынку,
К его груди,
К сердцу
Первая прильнула,
Отогрелась и шепнула:
— Ну, теперь к жене иди!

Свет ли, слезы ли из глаз
У Алены?
Сердце пело,
Муженька на первый раз
Даже и не разглядела.

А лишь начал шум стихать,
Стала улица просторней —
Дуня бросилась к Алене
И давай
Целовать...

* * *

Петр Фомин домой пришел,
Отдохнул, надел рубашку —
Пояс... ворот нараспашку...
Вышивка... —
И, как на пашне,
Молвил:
— Ах, как хорошо!

Китель свой и ордена
Положил в сундук сосновый.
Выпил первую до дна
И сказал, смеясь, Козлову:
— Видел, что творит жена!

Сеять надобно чуть свет,
А у ней в колхозе праздник,

Оттого и безобразье —
Мужней власти в доме нет!

Тот припал спиной к стене —
Подходила круговая —
И, братыню принимая,
Думал:
«Петр и на войне
Обогнал. . .»

А Михалев
С Фоминым рядком уселся,
Помолчал, в лицо вгляделся
И спросил:
— Ну, жив-здоров?

Улыбнулся, локоть сжал,
Видно было — ликовал.
— Жив! — волнуясь, молвил снова,
Словно друга фронтового
Или сына повстречал.

— Надоело воевать?
— Да, не так, чтоб надоело —
Некогда!
Тоска заела,
Как весна пришла опять.
Хоть война ведь тоже дело.

Только мы такой народ,
Не даем себе покоя:
Кончил дело — дай другое,
Из похода и в поход.

— А теперь куда?
— К своим,
Прочу к женке под начало.
— Рядовым иль генералом?
— Да взяла бы рядовым!

— Как у вас? —
Фомин спросил.
— Так же, как по всей Отчизне:
Коль не ищешь тихой жизни,
То на все хватает сил.

И тебе, фронтовику,
Лучшей доли не желаю,
Вот теперь смотрю, смекаю,
Дескать, нашего полку
Прибыло. . .

А рассвело —
Фомина людей с постели
Поднимала:
— Пить умели,
Чтобы так и дело шло!

30

Дрожки дали для Козлова:
Езди по полю, следи,
Чтоб работа шла толково,
Не стояли б лошади.

Он уселся у межи
На запущенном загоне.
Перед ним, как на ладони,
Посевные рубежи.

До пятнадцати борон
Строем по полю ходило
У него в глазах рябило
От грачей и от ворон.

На селе волнует всех
Перекрестный, новый сев,
Новым был он лишь вчера
Даже для инспектора.

Михалев брошюрку дал,
Он всю ночь ее читал,
Сговорился с Лыковой,
Ей лишь сеять доверял:
Дело то великое.

Только сей теперь! Пора!
Воротились люди с фронта,
Вся страна в полях с утра,

И вокруг —
До горизонта,
Дальше — наши трактора.

Хорошо заране знать:
Только сей —
И будут всходы,
Никакие непогоды
Их не могут задержать.

40

Отец Алены в свой колхоз
Откуда-то плакат принес,
На нем стахановки портрет:
«Советской женщине привет!»

Старик сказал:
— Сдается мне,
Что дочка это в аккурат! —
И сам в конторе на стене
Повесил тот плакат.

«Советской женщине привет!»
В платочке, в кофте голубой
Стояла женка средних лет,
За ней — хлебов прибой,

За ней машины и станки,
И книги — потому, —
Что это ныне ей с руки,
По силе, по уму.

Какую тяжесть подняла
Она в разгар войны,
Какой опорою была
Для всей своей страны!

И Михалев на тот плакат
(«Похожа точно!»)
Бросил взгляд,
Сказал Алене Фоминой:
— Поклон тебе земной!

Победный завершив поход,
В родной вернулись дом
Механик и животновод,
Избач и агроном.

В колхозе начинала жизнь
Партгруппа.
В первый раз
Семь коммунистов собрались
В конторе в поздний час.

Перед началом Михалев
Сказал о Фоминой.
— Ты много вынесла трудов,
Поклон тебе земной!

Больших дорог, больших побед,
Больших удач тебе!

«Советской женщине привет!»
Висел плакат в избе.

Семь коммунистов, как один,
При этом встали в ряд.
У них медали за Берлин,
За Прагу, Сталинград.

И каждый руку подавал
Алене Фоминой.
И Петр Фомин со всеми встал,
Подтянутый, прямой.

И Лыкова.
Она была
Оживлена, светла,
Но строже речь,
Но тверже взгляд:
Мария — кандидат.

Алена жала руки всем
И тихо начала:
— Я счастлива.
Теперь нас — семь.
Давайте ж за дела.

За нас стоят и с нами в ряд
Шагают стар и млад.
Немного б сделать я смогла,
Когда б одна была.

А всем селом да в добрый час...
Какое счастье знать,
Что может вся земля на нас
Равнение держать!

1944—1949

Обложка художника
Д. Пяткина

Редактор Л. Белов
Технический редактор Ж. Примак
Корректоры В. Туманская и Г. Фальк

*

Сдано в набор 8/II 1951 г.
Подп. к печати 3/III 1951 г. А 00227.
Тираж 25000. Бумага 84 × 108¹/₃₂ —
2,62 бум. л.—6,8 печ. л. 6,72 уч.-изд. л.
Заказ № 2272.

Цена 4 р.

*

4-я типография им. Евг. Соколовой
Главполиграфиздата
при Совете Министров СССР
Ленинград, Измайловский пр., 29.

Цена 4 руб.

ГОСЛИТИЗДАТ
1951